

BioWare™

DRAGON AGE™

ДЭВИД ГЕЙДЕР

УКРАДЕННЫЙ ТРОН

Dragon Age

Дэвид Гейдер

Dragon Age. Украденный трон

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Гейдер Д.

Dragon Age. Украденный трон / Д. Гейдер — «Азбука-Аттикус»,
2009 — (Dragon Age)

ISBN 978-5-389-15537-4

«Dragon Age» – популярная компьютерная игра в жанре темного фэнтези, завоевавшая множество наград. Долгожданная новеллизация подарит многочисленным поклонникам незабываемое путешествие по полному опасностей миру мрачных чудовищ. Наследный принц Мэрик все детство и юность провел в изгнании, скитаясь вместе с матерью, Мятежной Королевой, и ее скудным войском. Но когда мать неожиданно погибает от рук мнимых союзников, Мэрику приходится занять ее место во главе армии повстанцев. Неопытность принца вызывает недоверие мятежников. Окруженный шпионами и предателями, Мэрик может рассчитывать только на своего верного друга Логейна и отважную леди Роуэн, с которой обручен с детства. Подвергая свою жизнь смертельной опасности, принц должен сделать все возможное и невозможное, чтобы освободить народ из-под гнета тирана и наконец вернуть себе украденный трон.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-15537-4

© Гейдер Д., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дэвид Гейдер

Dragon Age. Украденный трон

Моей Оме

David Gaider

DRAGON AGE: THE STOLEN THRONE

Text Copyright © 2009 by Electronic Arts, Inc.

Published by arrangement with Tom Doherty Associates.

All rights reserved

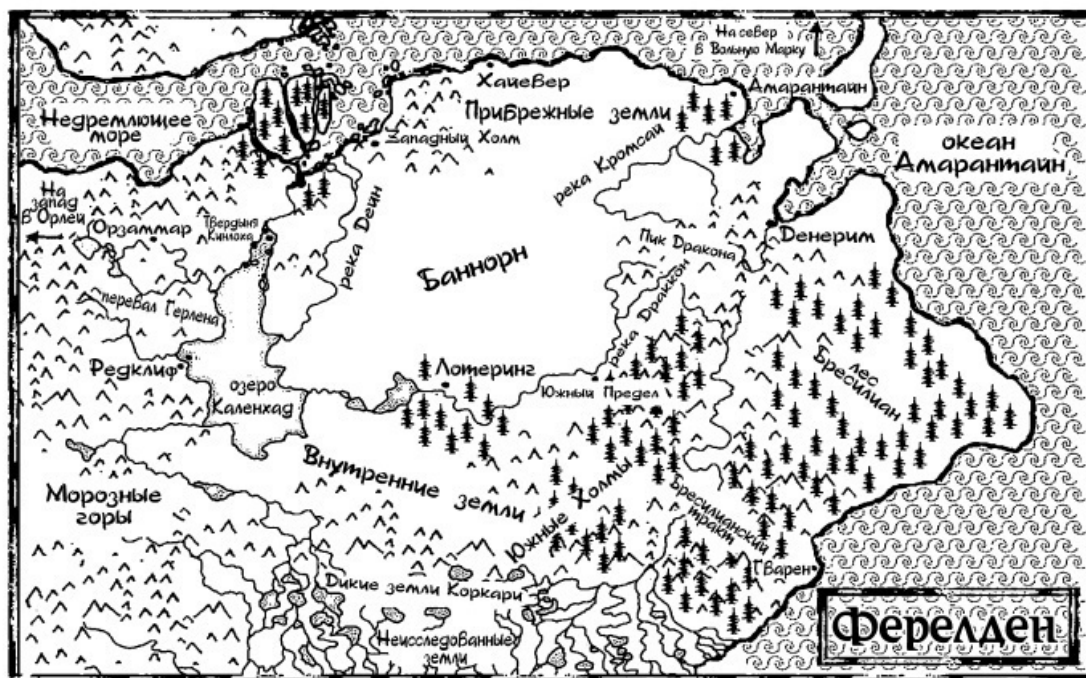
Перевод с английского Татьяны Кухта

Оформление обложки Виктории Манацковой

Выражаем признательность Анастасии Фадеевой за деятельное участие в подготовке книги.

© Т. Кухта, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство АЗБУКА®

Благодарности

Прежде всего я хочу выразить большую признательность вам, моя группа поддержки, – Джордан, Стеф, Даниэль и Синди. Без вас я никогда не добился бы своего.

Спасибо и вам, мои родители, пусть вы были твердо убеждены, что от всех этих игр никогда не будет проку, но все же разрешали в них играть. Вы поощряли мое воображение, а это самое важное. Я всегда буду благодарен вам обоим.

Невозможно не вспомнить добрым словом тот тяжелый труд, который команда «Dragon Age» вложила в создание этого мира. Каждый день, который я провожу в обществе этих фантазеров и творцов, прибавляет гордости за наше общее детище. Вы, ребята, изрядно облегчили мне работу.

И напоследок хочу поблагодарить компанию «BioWare» за то, что предоставила мне такой фантастический шанс, и за то, что относится к тем компаниям-разработчикам, которые верят, что в книгу стоит вкладывать средства.

Глава 1

Беги, Мэрик! Беги!

И Мэрик побежал. Предсмертный крик матери подхлестнул его, словно кнутом. Яркая и страшная картина ее гибели еще стояла перед глазами Мэрика, когда он развернулся и опрометью бросился в лес, окаймлявший прогалину. Не замечая, как ветки хлещут по лицу, цепляются за плащ, он почти вслепую продирался через чащу.

Чьи-то сильные руки обхватили его сзади. Кто-то из соратников матери или один из предателей, которые только что убили ее? Скорее всего, второе. Застонав от натуги, Мэрик двинул локтем за спину, чтобы освободиться от вражьей хватки. Не вышло – лишь очередная ветка хлестнула по лицу. Напавший потащил было Мэрика назад, к прогалине, и тогда юноша уперся ногами в землю, удачно зацепившись сапогом за узловатые древесные корни. И снова изо всей силы ударил. На сей раз локоть угодил во что-то твердое, оно тут же подалось, влажно хрустнуло – и Мэрик услышал сдавленный крик боли.

Руки, обхватившие его, разжались, и Мэрик бросился в глубину леса. И тут же его дернуло назад – это длинный кожаный плащ, зацепившись за что-то, натянулся до предела. Мэрик извернулся, забился неистово, словно дикий зверь, угодивший в западню, и в конце концов вырвался, разодрав плащ о сучковатую ветку. Хватая ртом воздух, не рискуя оглядываться, юноша метнулся в темноту между деревьями. Лес был старый, дикий, и кроны деревьев сплетались так тесно, что сквозь лесной полог проникали лишь едва заметные лучики лунного света. Разглядеть что-либо было почти невозможно, лес предстал перед глазами Мэрика зловещим лабиринтом причудливых теней и устрашающих очертаний. Огромные корявые дубы высились, словно мрачные стражи лесного царства, а в непроглядной черноте густого подлеска могло таиться что угодно.

Мэрик понятия не имел, куда бежит, – его направляло только неистовое стремление спастись. Он спотыкался о корни, перепрыгивал через поваленные деревья, которые то и дело возникали на его пути, словно ниоткуда. Под ногами было сыро и предательски скользко; Мэрик оступался, пошатывался, и тогда ему казалось, что земля вот-вот расступится и поглотит его. Сбиться с пути в этих лесах было проще простого – можно бежать по кругу хоть целый день и ничего не заподозрить. Юноша слышал, как далеко позади перекрикиваются преследователи, а еще он отчетливо различал звуки боя. Сталь лязгала о сталь, кричали перед смертью люди – сподвижники матери Мэрика. Многих из них он знал всю свою жизнь.

Юноша бежал и бежал, не разбирая пути, и мысли его лихорадочно металась. Всего лишь несколько минут назад Мэрик ежился от холода на стылой лесной прогалине, глубоко убежденный, что его присутствие на этой тайной встрече не более чем дань ненужной формальности. И почти не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Незадолго до этого мать сказала, что с поддержкой новых сторонников мятеж наконец-то обретет подлинный размах. Эти люди, сказала мать, готовы выступить против своих орлесианских хозяев, а это шанс, который она упускать не желает и не упустит, после того как они столько лет были вынуждены прятаться, спасаться бегством и принимать бой, только когда наверняка могли выиграть. Мэрик не стал возражать против этой встречи. Ему даже в голову не пришло, что это может быть опасно. Мать была знаменитой Мятежной Королевой – именно она подняла это восстание, именно она командовала армией. Это была ее война – ее, а не Мэрика. Сам он никогда не видел трона своего деда, не понимал, какой властью обладал его род, до того как орлесианцы вторглись в Ферелден. Все восемнадцать лет своей жизни он провел в лагерях мятежников либо отдаленных замках, в бесконечных переходах и маршах, неизменно в свите матери. Он даже представить не мог, что можно жить как-то по-другому, – сама мысль об этом была Мэрику совершенно чужда.

А теперь его мать мертва. Юноша споткнулся, потерял равновесие и кубарем покатился в темноту по влажному склону низкого холма. Неуклюже скользя по листьям, Мэрик ударился головой о камень и вскрикнул от боли. В глазах у него помутилось.

Преследователи его слышали – издали приглушенно донесся ответный крик.

Распластавшись в пронизанной лунным светом темноте, Мэрик обхватил руками голову. Ушиб горел огнем, адским пламенем боли, сводящей с ума. Какой же он дурак! Просто чудом, иначе не скажешь, ему удалось оторваться от погони, и вот – он выдал себя нечаянным криком. Пальцы стали влажными и липкими от крови. Кровь засыхала на волосах, ручейками стекала по шее. В стылом, промозглом воздухе она казалась особенно теплой.

Мэрик вздрогнул, и с губ его сорвался один-единственный всхлип. Может, так и лежать тут? Пусть приходят, пусть уничтожат и его? Мать они уже убили, заработали щедрую награду, которую, вне всякого сомнения, посулил узурпатор. Кто он такой – всего лишь еще одна жертва, которую прикончат вместе с немногочисленной свитой матери? И тут Мэрик оцепенел, как гром пораженный мыслью, которая мелькнула на самом краю сознания.

Он – король.

Нелепо. Конечно же нелепо. Король? Мальчишка, удостоившийся стольких обеспокоенных взглядов и досадливых вздохов? Сопляк, за которого матери так часто приходилось оправдываться? Она вечно твердила, что Мэрик, когда подрастет, научится командовать людьми так же хорошо, как это получалось у нее самой. Вот только ничего подобного так и не произошло. Мэрик, правда, не особенно огорчился, поскольку в глубине души не верил, что с матерью может что-то случиться. Она казалась неуязвимой, непостижимой, вечной. То, что она тоже смертна, лишь досужий вымысел, не имеющий ничего общего с реальностью.

А теперь ее нет – и он должен стать королем? Он, Мэрик, должен возглавить и продолжить мятеж против орлесианцев?

Легко представить, как узурпатор, восседающий на денеримском троне, покатится со смеху, узнав, кто стал преемником Мятежной Королевы. Нет уж, подумал Мэрик, лучше остаться здесь и умереть. Лучше быть убитым, чем стать посмешищем для всего Ферелдена. Может, сторонники матери отыщут какого-нибудь дальнего родственника, который сумеет подхватить знамя восстания. А если не сыщут – пусть род Каленхада Великого прервется здесь и сейчас. Пусть этот мятеж закончится с Мятежной Королевой, погибшей буквально в шаге от желанной цели, а не выдохнется окончательно под водительством ее никуда не годного сына.

В самой этой мысли было что-то умиротворяющее. Мэрик лежал навзничь на влажных листьях, и сырость, холодившая кожу, казалась почти приятной. Голоса преследователей, то и дело перекликавшихся друг с другом, неумолимо приближались, но юноша ухитрился их не слышать – почти не слышать. Он старался вслушиваться только в шорох ветра, перебиравшего листву в высоких кронах. Рослые деревья обступали его со всех сторон, словно тени гигантов, пренебрежительно взирающих на ничтожного карлика, рухнувшего к их ногам. Мэрик чуял смолистый запах хвои, пряный аромат древесного сока. Эти лесные стражи станут единственными свидетелями его гибели.

Так он лежал, чувствуя, как боль уже не пылает, а настойчиво пульсирует в голове, лежал – и одна мысль неотвязно мучила его. Люди, которые обещанием помощи заманили мать в ловушку, были ферелденскими аристократами – из тех, кто предпочел покориться орлесианцам, чтобы сохранить владения. Вместо того чтобы остаться верными древней присяге, они предали законную королеву. И если никто из спутников матери не сумеет спастись, если некому будет рассказать уцелевшим вождям мятежного войска о том, что на самом деле произошло на прогалине, они так никогда и не узнают правды. Догадаться-то догадаются, но где доказательства? И предатели никогда не заплатят за преступление.

Мэрик резко сел, и разбитая голова тут же протестующе загудела от боли. Ноющее тело сотрясала дрожь – юноша промок и продрог до костей. Определить, где он находится, было

сложно, но Мэрик прикинул, что отсюда не так уж и далеко до лесной опушки. Он успел пробежать совсем немного, и преследователи тоже ненамного отстали – слышно, как они перекрикиваются, обшаривая лес. Голоса их, впрочем, становились все тише. Может, ему и не стоит никуда бежать? Мэрик свалился на дно какой-то лощины, и, если затаится, преследователи, вполне вероятно, пройдут мимо, а у него будет шанс отдышаться и прийти в себя. Может быть, он даже сумеет пробраться незамеченным назад на прогалину и проверить, все ли спутники матери погибли.

Резко хрустнули сухие ветки – и Мэрик вновь замер. Мгновение – мучительно долгое мгновение – он напряженно вслушивался, но из темноты больше не донеслось ни звука. И все же ветки хрустнули под чьей-то ногой – в этом юноша был совершенно уверен. Он выжидал, не смея шелохнуться, и наконец снова услышал хруст. Только на этот раз он прозвучал тише. Кто-то явно подкрадывался.

Мэрик огляделся. Дальний край лощины, в которой он затаился, переходил в пологий склон. Лунный свет так скудно сочился сквозь густую листву, что разобрать, насколько ровная там земля, было нелегко. И в той стороне тоже были деревья, корни, густой кустарник.

Среди приглушенных криков погони и шепота деревьев Мэрик сумел различить едва уловимый звук шагов. Совсем близко чавкнули под тяжелой ногой влажные листья. Мэрик распластался на земле, почти перестав дышать. Быть может, враги не заметят его? Но рассчитывать на такое сказочное везение было глупо. У юноши не оставалось выбора – надо выбираться, уходить как можно дальше от предателей. Прочь от мрачной поляны, где осталось тело матери.

Мэрик осторожно попытался подняться. Тотчас колени и плечи пронзила острая боль. Ныли ссадины на лице и руках, исхлестанных ветками, ныл разбитый до крови затылок, но все это казалось далеким, о чем можно будет подумать потом. Юноша изо всех сил старался двигаться медленно и тихо. И все время, до боли прикусив нижнюю губу, вслушивался, не раздастся ли звук чужих шагов. Но ничего не мог различить – сердце колотилось бешено и так громко, что, казалось, его стук слышен даже на самом далеком краю леса. Быть может, враги уже сейчас, в эту самую минуту, подкрадываются ближе и потешаются над его страхом.

Обливаясь потом, несмотря на сырость и холод, Мэрик понемногу выпрямился. И тут же правое колено скрутила судорога, ударившая болью вверх по бедру. Мэрик от неожиданности зашипел сквозь стиснутые зубы и поспешно зажал рот ладонью, зажмурился, мысленно понося себя за глупость. Замерев на месте, он напряженно вслушивался в темноту. Чужие шаги стихли. Из-за деревьев донесся окрик. Слов юноша не мог различить, но это явно был вопрос: ну как, мол, нашли что-нибудь? Ответа не последовало. Тот, кто подбирался к Мэрику, не хотел выдавать себя.

Мэрик осторожно пополз вверх по склону. Щурясь до рези в глазах, он всматривался в темноту, пытаясь разглядеть хоть какое-то подобие человеческого силуэта. И представлял, как его невидимый враг проделывает то же самое. Странная и смертельно опасная игра в кошки-мышки: кто первым увидит другого – тот и выиграл. Мэрик вдруг запоздало сообразил, что, даже если первым обнаружит преследователя, вряд ли от этого будет толк. Он безоружен. На поясе болтаются пустые ножны, а кинжал юноша пару часов назад одолжил Хирэму – одному из самых доверенных командиров матери. Славный малый, которого Мэрик знал всю свою жизнь, теперь, скорее всего, валяется мертвым у ног своей королевы, и кровь их, смешавшись, застывает в промозглой полуночи... Мэрик мысленно отругал себя за глупость и постарался выбросить из головы эту картину.

Тогда-то он и заметил, как в темноте что-то блеснуло. В густой тени рассмотреть человека было невозможно, но стальной меч отразил слабый лунный свет. Теперь Мэрик точно знал, где находится противник.

Не отводя взгляда от того участка темноты, Мэрик поднял руки и, ухватившись за скользкий корень, бесшумно подтянулся. Руки и плечи отозвались страшной болью, но юноша не обратил на нее внимания. В тот самый миг, когда он выбрался на ровную поверхность, клинок в руке незнакомца пришел в движение. Черная тень крадучись двинулась к нему, с угрожающим ворчанием заноса меч.

Не задумываясь Мэрик метнулся вперед. Вражеский меч свистнул у него над ухом, едва не задев плечо. Мэрик с разгону врезался головой в противника, ударил под дых. Голова взорвалась нестерпимой болью – кольчуги в Ферелдене делать умели. С тем же успехом он мог бы боднуть ствол дерева. Мир перед глазами завертелся колесом. Мэрик потерял равновесие, но и его противник тоже не удержался на ногах. Они разом повалились на твердую бугристую землю. Падая, мечник помимо воли откинул правую руку, и клинок, вывернувшись из пальцев, отлетел в темноту.

Полуослепший от боли, почти обезумевший, Мэрик обеими руками схватил противника за голову. Пальцы его впились в толстую, поросшую жесткой щетиной щеку. Мужчина неистово махал руками, пытаясь оттолкнуть Мэрика. Попробовал закричать, чтобы позвать на помощь сообщников, но из горла вырвался только сдавленный рев. Юноша с силой ударил противника головой о корень. Мечник застонал.

– Сволочь! – прошипел Мэрик.

Противник сопротивлялся, бил, пытаясь дотянуться до лица. Не обращая внимания на ушибы и ссадины, Мэрик изо всей силы приложил врага затылком о корень еще раз. Тот взвыл от боли, попытался оттолкнуть юношу, но тяжелая кольчуга сковывала движения. Он отчаянно извивался, но Мэрик не собирался сдаваться.

Голова Мэрика раскалывалась от мучительной боли, ныла от напряжения вытянутая до предела шея. На секунду он расслабился, и бородатый мечник не упустил такого шанса. Тяжелый кулак врезался в скулу с такой силой, что из глаз у Мэрика брызнули звезды, голова пошла кругом. Борясь с подступающим беспмятством, он в третий раз ударил противника. Изо всей силы.

– Вы ее убили! – кричал он. – Вы убили ее, сволочи!

Удар, еще удар. Он снова и снова бил врага, не в силах остановиться. В глазах Мэрика стояли слезы, и каждое слово давалось ему с трудом.

– Она была ваша королева, а вы убили ее!

Наконец мечник затих. Руки Мэрика были липкими от крови – чужой крови. Юноша скатился с обмякшего тела, неуклюже отполз назад. Окровавленные ладони скользили по палой листве, боль в ногах вспыхнула с новой силой. Он ожидал, что враг сейчас вскочит и снова набросится на него. Но неподвижное, едва видимое в темноте тело так и валялось на земле, неловко распластавшись на выпирающих из земли корнях. Огромный дуб высился над лежащим, словно великанское надгробие.

Мэрику было дурно, все тело сотрясала дрожь. Он поднес руки к лицу и, не сдержавшись, согнулся в три погибели. К окровавленным ладоням прилипли клочки волос и кожи. Этого юноша не выдержал, и его вырвало на вязкую землю остатками сегодняшнего скудного завтрака. Отчаяние, казалось, вот-вот поглотит его с головой.

«Ты король», – напомнил себе Мэрик.

Королева Мойра, мать Мэрика, была сильной, способной вести армию к победе. До кончиков ногтей она была истинной дочерью своего отца – так говорили все. Она вдохновляла мятежников, и те ни на минуту не сомневались в незыблемости ее прав.

«А теперь ее нет, и король – ты», – вновь и вновь твердил себе Мэрик. И по-прежнему все никак не мог в это поверить.

Отдаленная переключка преследователей снова зазвучала громче. Быть может, предатели все же услышали шум драки. Надо уходить. Бежать, бежать, не останавливаясь. Вот только

Мэрик никак не мог заставить ноги двигаться. Он сидел в темноте ночного леса, держа перед собой выпачканные кровью руки, будто понятия не имел, что еще с ними сделать.

Сейчас юноша был способен думать только об одном – о дне последней битвы. На матери были доспехи, она была с ног до головы покрыта кровью, и на губах ее играла отчаянная ухмылка. Наставник Мэрика приволок его пред материнские очи за драку с мальчишкой-простолудином. С матерью был эрл Рендорн, который спросил, сумел ли Мэрик по крайней мере одержать победу. Сгорая от стыда, юноша сознался, что потерпел сокрушительное поражение, и тогда эрл, презрительно фыркнув, осведомился: и какой же, мол, в таком случае выйдет из него король?

А мать разразилась веселым смехом – смехом, который мог развеять любую беду. Она взяла Мэрика за подбородок и, глядя ему в глаза, ласковым голосом сказала: «Ты зеница моего ока, и я в тебя верю».

От горя Мэрик готов был разрыдаться. Мать в него верила, а он ухитрился за какие-то полчаса безнадежно заблудиться в лесу. Даже если он сумеет ускользнуть от погони, выбраться из леса и добыть себе другого коня – как найти мятежную армию? Он так привык, что его все время куда-то ведут, говорят, куда надо ехать, что совсем не обращал внимания на дорогу. Он просто делал то, что велели, и только. А теперь он даже не представлял, где находится.

«Так встретил свой конец последний истинный король Ферелдена, – с угрюмым весельем подумал Мэрик. – Он хотел быть хорошим королем, но не мог отличить задницу от дырки в земле».

С огромным трудом Мэрик заставил себя собраться. Не самое подходящее время размышлять о прошлом или горевать. Он только что голыми руками убил человека, и другие враги неподалеку. Надо бежать. Мэрик глубоко вдохнул и зажмурился. Нужно успокоиться и собраться хотя бы ненадолго.

Он открыл глаза и понял, что готов.

Мэрик хладнокровно огляделся в поисках меча, но ничего не мог рассмотреть. Из темноты донесся еще один оклик – и на сей раз он прозвучал гораздо ближе. Надо было спешить.

Мэрик осторожно поднялся на ноги, вслушался, пытаясь понять, откуда доносятся голоса, и решительно двинулся в противоположном направлении. Ноги, покрытые синяками, то и дело скручивала судорога, и вполне вероятно, что пара-другая костей была сломана, но юноша не обращал внимания на боль. Напрягая силы, хватаясь за низко растущие ветки, он волок свое измученное тело все дальше и дальше в темноту.

Они за все заплатят, за все. Если Мэрик станет королем, он заставит их расплатиться за все.

– Что-то там происходит, – хмурясь, пробормотал Логейн.

Он стоял на опушке леса, рассеянно стирая грязь с кожаных штанов. Напрасный труд – одежда браконьеров никогда не бывает чистой. У орлесианцев, само собой, были для Логейна и ему подобных другие прозвища: преступники, воры, разбойники. Но этих людей мало заботило, кем их считают захватчики.

Орлесианцы были твердо убеждены, что владеть землей могут только их спесивые разряженные дворянчики, и неудивительно, что они не слишком благосклонно отнеслись к вольным землепашцам Ферелдена. Заполучив трон, император Орлея изобрел добавочный «налог». Отец Логейна в первый год как-то исхитрился наскрести денег, а потом захватчики, ясное дело, решили, что грабительская сумма должна быть увеличена. Семья Логейна оказала сопротивление – и вот теперь они живут в глуши ферелденских лесов с другими такими же изгоями, пытаясь кое-как выжить.

Логейна, может, и не заботило, что именно думают о нем орлесианцы, но зато он весьма усердно заботился о том, чтобы не угодить под стражу. Местный констебль в Лотеринге был

ферелденец, а потому до сей поры относился к шайке терпимо. Пока они не нападали на путников и воровали только по мелочи, констебль делал вид, что старается их изничтожить. Логейн, однако, понимал, что рано или поздно этот человек будет вынужден взяться за них всерьез, и надеялся только, что у констебля хватит благородства предупредить об этом заранее. Тогда они переберутся в другое место, как уже поступали не единожды. В конце концов, в Ферелдене лесов и холмов предостаточно, чтобы укрыть целую армию, – это знает даже Мятажная Королева. Но что, если констебль не станет их ни о чем предупреждать? Именно эта мысль сейчас грызла Логейна, именно она вынуждала вглядываться в темноту леса. Люди далеко не всегда могут поступать так, как им хочется.

С поля подул промозглый ветер, и Логейн зябко поежился. Стемнело уже давно, и в ясном ночном небе сияла луна. Он отбросил с глаз пряди черных волос, с отвращением подумав, что волосы у него немногим чище одежды, и натянул на голову капюшон. Весна в этом году больше смахивала на затянувшуюся зиму. Холодными ночами Логейн и его товарищи мерзли в самодельных палатках, но и такое жильё уютнее тюремной камеры.

К Логейну подошел Дэннон – верзила подозрительной наружности. Логейн догадывался, что в прошлом тот был вором – из тех любителей чужого добра, что промышляют в больших городах, шаря по карманам и грабя неосторожных путников, – и что оказался он в шайке изгоев потому, что карманник и грабитель из него вышел никудышный. Впрочем, не Логейну было его судить. Все они трудились, как могли, и Дэннон вполне добросовестно исполнял свою долю работы. Но это вовсе не значило, что Логейн должен приязненно к нему относиться.

– Ты что это там бормочешь? Увидел чего?

Дэннон почесал крючковатый нос, поправил висевшие на плече тушки. Нынче на ужин у них три кролика, добытые в угодьях некоего лорда. Охотиться в темноте нелегко, особенно когда все время думаешь не столько об охоте, сколько о том, как бы никому не попасться на глаза, но все-таки на этот раз им повезло.

– Я сказал – что-то там происходит, – повторил Логейн с раздражением. Развернувшись, он вперил гневный взгляд в Дэннона, и тот отступил на шаг. Такое Логейну было не в диковинку. Ему не раз говорили, что взгляд его холодных светло-голубых глаз точно отталкивает людей. Юношу это вполне устраивало. Большинство изгоев, и особенно Дэннон, до сих пор считали его желторотым юнцом, и он не хотел, чтобы этому типу взбрело в голову отдавать ему приказания. – Хочешь сказать, что ничего не заметил?

Дэннон пожал плечами:

– Видел я кой-какие следы. Сдается мне, по округе шастают солдаты.

– И тебе не пришло в голову, что это может быть важно?

– Ха! – Дэннон закатил глаза. – Так ведь Каролин в деревне говорила уже насчет солдат. Мол, она сама вот только нынче утром видела, как по северному полю проехал с малым отрядом банн Сеорлик.

Услышав это имя, Логейн нахмурился:

– Сеорлик – лизоблюд. Всем известно, что он душу запродаст, только бы получить объедки с императорского стола.

– Ну да, так вот, Каролин видела, как он ехал напрямик через поле, подальше от дороги и даже в трактир не завернул. Не хотел, чтобы его заметили, – точь-в-точь как мы. – Дэннон указал на тушки кроликов, которые нес на плече. – Слушай, что бы там ни затеял Сеорлик, нас это точно не касается. Никто не видел, как мы охотились. Мы молодцы, а теперь пора уходить. – Он улыбнулся нервно и с неискренним дружелюбием, явно стараясь убедить Логейна.

Дэннон его боялся. И юношу это вполне устраивало.

Он снова перевел взгляд в глубину леса, рукой нашарил эфес висевшего на поясе меча. Дэннон заметил это движение и скорчил гримасу. С кинжалом он управлялся недурно, но клинки покрупнее были ему не по плечу.

– Ай, да пойдём уже! – проворчал он. – Нечего нарываться.

– Я не намерен искать неприятностей, – жестко сказал Логейн. – Я намерен их избежать. Ты не хуже меня знаешь, что мы проторчали на этом месте слишком долго.

– Это уж не тебе решать, – буркнул Дэннон, но тем не менее прикусил язык и двинулся вслед за Логейном.

Решать, в конце концов, предстояло Логейнову отцу, но даже такой тип, как Дэннон, прекрасно знал, что отец и сын редко расходились во мнении. Как и должно быть.

Браконьеры углубились в ночной лес, лишь ненадолго остановившись, чтобы глаза привыкли к скудному лунному свету. Дэннон все сильнее злился, оступаясь и поскользываясь, но, по крайней мере, у него хватало ума злиться молча. В свою очередь, Логейн все больше склонялся к тому, что его неуклюжий напарник, возможно, был прав.

Он уже готов был повернуть назад, но тут Дэннон резко остановился.

– Слышишь? – прошептал он.

«Хороший слух», – подумал Логейн.

– Звери?

– Да нет. – Дэннон без особой уверенности помотал головой. – Вроде как кричат.

Они замерли на месте, и Логейн прислушался. В высоте шелестела под ветром листва, и этот шорох был изрядной помехой, но все же скоро он расслышал то, о чем говорил Дэннон. Пусть едва различимые, но, без сомнений, это были голоса людей.

– Охота на лис, – пробормотал он.

– Чего?

Логейн закатил глаза и глубоко вдохнул.

– Ты был прав, – отрывисто бросил он. – Они ищут здесь не нас.

Дэннону эта новость явно пришлась по душе. Он поправил кроличьи тушки на плече и повернулся, чтобы уйти.

– Ну так и нечего тут болтаться. Поздно уже.

Логейн, однако, все еще колебался:

– Ты сказал, что северным полем проехал банн Сеорлик. Как по-твоему, много с ним было солдат?

– Мне-то почему знать? Я их не видел.

– А что сказала на сей счет твоя трактирная шлюшка?

Здоровяк пожал плечами, но спина его словно закаменела от едва сдерживаемой ярости. Логейн с отстраненным интересом отметил для себя, что задел напарника за живое. Неужели у него шашни с той девицей? Не то чтобы Логейна это и впрямь заботило, однако он предпочитал не дразнить спутника без нужды.

– Не знаю, – процедил наконец Дэннон. – Она ничего не сказала. Вроде бы немного.

Логейн прикинул, что по лесу сейчас бродит человек двадцать, не меньше. Ясное дело: если бы банн Сеорлик появился с таким отрядом возле Лотеринга, об этом судачили бы гораздо больше. Что же на самом деле происходит? То, что в этом замешан один из тех ферелденских аристократов, Логейну совершенно не нравилось. Что бы там ни затеяли Сеорлик и его люди, шайке изгоев это ничего хорошего не сулит... даже если и не коснется их напрямую.

Стоя в гуще леса и стараясь не замечать растущего нетерпения Дэннона, Логейн в глубине души признавал, что в любом случае он, скорее всего, ничего не сможет поделать. Перипетии ферелденской политики были ему совершенно безразличны. Выжить – вот единственное, что его волновало. Логейн раздраженно вздохнул, так упорно уставясь в темноту, словно именно в ней таилась разгадка этой тайны.

Дэннон хмыкнул:

– Ты, когда так вздыхаешь, точь-в-точь твой папаша.

– Кажется, я впервые услышал от тебя комплимент.

Верзила презрительно фыркнул и одарил Логейна уничтожающим взглядом.

– Это вышло нечаянно, – буркнул он и сплюнул на землю между собой и Логейном. – Слушай, как ты сам сказал, нас это не касается. Может, уже пойдем, а?

Логейну не нравилось, когда оспаривали его мнение. Он ответил Дэннону таким же уничтожающим взглядом и сделал долгую паузу.

– Хочешь – уходи, – негромко и твердо проговорил он.

Дэннон не тронулся с места, хотя нервно переступил с ноги на ногу. Логейн почти явственно ощущал, как его спутник в темноте подумывает о своем ноже и гадает, придется ли пустить его в ход и как в таком случае вернуться в лагерь. Логейн почувствовал соблазн подтолкнуть ход событий. Ему захотелось встать перед Дэнноном и смерить его взглядом с головы до ног. Быть может, у верзилы достанет духу схватиться за нож и попытаться его прикончить.

Воцарилось долгое напряженное молчание, и прерывали его только шум ветра в кронах деревьев да отдаленные выкрики охотников. Логейн сузил глаза, даже не притронувшись к рукояти меча, и испытал удовлетворение, когда Дэннон первым отвел взгляд.

В этот миг до них донесся звук приближавшихся шагов.

Дэннон с готовностью ухватился за этот повод отвлечься, как если бы их с Логейном противостояния и не было вовсе.

Кто-то торопливо и неуклюже продвигался по лесу прямо к ним. Кто бы это ни был, он продирался через кусты напролом, расталкивал ветки, в панике напрочь позабыв об осторожности. Лиса, что ли? И конечно же, ей непременно надо было выскочить прямо им под ноги. Если Создатель, как утверждают священники, и впрямь обитает где-то на небесах, у Него воистину неприятное чувство юмора.

Дэннон отступил на пару шагов. Логейн, вынув из ножен меч, выжидал. Пришелец вывалился из зарослей и замер, уставясь на браконьеров круглыми от страха глазами.

Он оказался совсем молод, ровесник Логейна, а то и моложе. Белокурые волосы и бледное лицо были заляпаны грязью и – весьма обильно – кровью, и вдобавок в волосах запутались листья, а лицо покрывали свежие царапины. Одет он был явно не для беготни по лесной чаще – одна лишь рубашка, изорванная и покрытая таким слоем грязи, словно добрую часть пути он удирал от своих неведомых преследователей ползком. Руки беглеца тоже были в крови, и похоже, не только его собственной. Кто бы ни был этот человек, ему пришлось убить ради спасения своей шкуры. Логейн понял, что белокурый пришелец был доведен до грани отчаяния.

Сейчас он припал к земле, застыв, точно дикий зверь, раздираемый нелегким выбором – обратиться в бегство или драться. Голоса, перекликавшиеся у него за спиной в глубине леса, неумолимо приближались. Логейн медленно поднял руку, показал беглецу открытую ладонь – знак мирных намерений – и вернул меч в ножны. Белокурый юноша не шелохнулся, только недоверчиво сузил глаза. И опасно метнул взгляд за спину, в гущу леса, откуда вновь донеслись приглушенные выкрики.

– Сматываться надо! – прошипел Дэннон за спиной у Логейна. – Щенок как пить дать наведет их прямо на нас!

– погоди, – шепнул в ответ Логейн, не отрывая взгляда от беглеца. Дэннон вспыхнул от злости, и краем глаза Логейн заметил, что в руке его блеснул нож. Примирительно раскинув руки, чтобы успокоить их обоих, Логейн снова сосредоточил все свое внимание на окровавленном, припавшем к земле незнакомце. – Кто за тобой гонится? – с расстановкой спросил он.

Светловолосый облизал губы, обдумывая ответ.

– Орлесианские псы, – медленно проговорил он.

Логейн искоса глянул на Дэннона. Здоровяк скорчил гримасу, но все же было заметно, что участь светловолосого беглеца не оставила его совсем равнодушным. Дэннон, конечно, превыше всего на свете ценил свою собственную шкуру, но в конце концов он, что-то проворчав, смягчился.

– Хороший ответ. – Логейн отступил на шаг и повернулся, как бы собираясь уходить. – Пойдешь с нами.

Дэннон горестно ругнулся, сунул нож в ножны и, упорно глядя себе под ноги, зашагал прочь. Логейн демонстративно двинулся за ним, но между тем зорко следил, последует ли за ними незнакомец. Тот с минуту колебался, явно раздражаемый сомнениями, но все-таки с решительным видом вскочил и побежал следом.

Все трое без лишнего шума двинулись назад тем же путем, которым Логейн и Дэннон пришли в лес. Светловолосый юноша шел последним, а Дэннон неизменно держался впереди, как если бы готов был и вовсе бросить спутников и спасаться. Напряженная спина здоровяка выражала возмущение и злость. Логейну на это было глубоко наплевать.

Они шли быстрым шагом, и скоро голоса преследователей остались далеко позади. Незнакомец вздохнул с облегчением. Когда они вышли на опушку, Логейн внимательнее приглядывался к новому спутнику, и итог осмотра его озадачил. Одежда юноши, пусть изодранная и грязная, была явно добротной, если не сказать – щегольской. Особенно отличались хорошей выделкой сапоги из превосходной кожи – точно такие Логейн видел на храмовниках. Да уж, это совершенно точно не нищий. Кроме того, он весь дрожал и вскидывался на каждый звук, доносившийся из леса, – стало быть, подобная прогулка была для него в новинку.

– Постой, Дэннон! – вполголоса окликнул Логейн и остановился.

Здоровяк подчинился с явной неохотой. Логейн повернулся к светловолосому юноше. Тот попятился. Подозрения вспыхнули в нем с новой силой, и взгляд его метался от Логейна к Дэннону, как если бы он пытался понять, кто из них бросится на него первым.

– Думаю, на этом мы и расстанемся, – скрепя сердце проговорил Логейн.

– Хвала Создателю! – пробормотал Дэннон.

Светловолосый юноша на минуту задумался, огляделся по сторонам, словно прикидывая, где находится. С опушки, с того места, где они стояли, поле, примыкавшее к лесу, было видно как на ладони.

– Пожалуй, отсюда я и сам смогу добраться, куда нужно.

Выговор светловолосого был Логейну незнаком, но, судя по манере говорить, этот человек явно получил недурное образование. Быть может, он сын купца?

– В самом деле? – Логейн жестом указал на изодранную одежду юноши, отметив для себя, что у того нет даже плаща. – Ты, скорее всего, замерзнешь насмерть, прежде чем доберешься до города. – Логейн выразительно изогнул бровь. – Если, конечно, ты и впрямь хочешь пойти в город, когда за тобой гонятся.

– А почему, кстати, за тобой гнались? – осведомился Дэннон и решительно встал рядом с Логейном.

Светловолосый юноша помедлил, глядя то на Логейна, то на Дэннона, словно определял, кому из них отвечать. Затем он опустил взгляд на свои руки и будто только сейчас, в лунном свете, увидел на них кровь. Как он ни пытался скрыть свои чувства, его передернуло от отвращения.

– Думаю, я убил одного из них, – прошептал он.

Дэннон понимающе присвистнул:

– Тогда они так просто не отвяжутся.

Логейн сдвинул брови:

– Я так понимаю, это были люди банна Сеорлика?

– Не только, – без особой охоты ответил юноша. – Они убили... моего друга.

Гримаса боли, исказившая лицо, яснее слов сказала Логейну, что по крайней мере эти слова незнакомца – чистая правда. Юноша зажмурился, снова задрожав всем телом, и безуспешно попытался стереть кровь с лица. Логейн искоса глянул на Дэннона, и здоровяк в ответ лишь пожал плечами. Какова бы ни была история незнакомца, Логейн сильно сомневался, что

они услышат ее целиком. А может, в этом и вовсе не было нужды. Не впервые на их пути встречается человек, который навлек на себя немилость орлесианцев. И будь Логейн на месте беглеца, он тоже не стал бы излишне доверять первым встречным. Юноше явно было что скрывать, однако браконьер нутром чуял: кто бы ни был этот человек, он не лжет. А чутье подводило Логейна крайне редко.

– Послушай, – Логейн тяжело вздохнул, – мы не знаем наверняка, кто за тобой гнался. Ты говоришь – прислужники орлесианцев. Я готов поверить тебе на слово. – Светловолосый хотел было возразить, но Логейн предостерегающе вскинул руку. – Кто бы они там ни были, их, судя по всему, немало. Довольно скоро они сообразят, что ты выбрался из леса. И искать тебя двинутся первым делом в Лотеринг. Тебе есть куда еще податься?

Юноша опустил голову, помрачнел.

– Нет... пожалуй что, некуда. – Он стиснул зубы, исподлобья глянул на Логейна. – Но я справлюсь.

На мгновение Логейн и впрямь поверил, что это так. То есть никуда он, конечно, не доберется, но попытается. Упрямство это, глупость или нечто иное – Логейн определить не мог.

– У нас есть лагерь, – напрямую сказал он. – В укромном месте.

– Ты и твой спутник... вы не обязаны были мне помогать. Я понимаю это. Я вам благодарен. – Юноша явно колебался. – В этом нет необходимости.

– По крайней мере, мы наверняка подыщем тебе какой-нибудь старый плащ. Ты отмоешься, почистишься... меньше будешь бросаться в глаза. – Логейн пожал плечами. – Или отправляйся своей дорогой. Тебе решать.

Светловолосый поежился, вновь задрожав от холода, – с поля дунул пронизывающий ветер. Он растерян, мельком подумалось Логейну, беспомощен, словно щепка в бурном водовороте событий. Судьба может устроить поганую каверзу именно тогда, когда этого меньше всего ожидаешь, – уж это Логейн очень хорошо знал. И видел, что с его собеседником произошло то же самое, хоть особого сострадания к нему не испытывал. Кроме предложения пойти с ними, светловолосый от него больше ничего не дождался.

– Дыхание Создателя! – фыркнул Дэннон. – Парень, да ты только глянь на себя! Можно подумать, у тебя есть другой выход!

Логейн с сомнением глянул на здоровяка:

– Быстро же ты запел по-другому!

– Ха! Это ведь ты, а не я потащил его с нами. А раз уж так вышло, пусть идет и в лагерь, почему бы нет? – С этими словами он круто развернулся и зашагал прочь, бросив на ходу: – Если так мы скорее доберемся до костра, то я всей душой за.

Юноша устался себе под ноги, и вид у него был неловкий и пристыженный.

– У меня... у меня нет при себе ничего ценного, – пробормотал он. И, чуть помедлив, добавил: – Я имею в виду – чтобы расплатиться с вами.

На самом деле, конечно, он хотел сказать: «у меня нечего грабить».

– Да уж, это видно невооруженным взглядом.

На это светловолосый не нашелся что сказать и лишь неуклюже кивнул.

Логейн мотнул головой в сторону Дэннона, который уже успел отойти на изрядное расстояние:

– Давай-ка его нагоним, пока он не свалился в какую-нибудь яму. – Он сделал шаг вперед и протянул руку. – Меня зовут Логейн.

Юноша на долю секунды замялся, затем пожал протянутую руку:

– Хирэм.

Имя, конечно, фальшивое. Логейн на миг задумался, не совершает ли он непоправимую ошибку. До сих пор чутье его не подводило, но ведь все когда-нибудь случается в первый раз.

А впрочем, кости брошены, не переиграешь. Логейн кивнул Хирэму, повернулся, и они бок о бок двинулись прочь из леса.

Глава 2

Мэрик проснулся, твердо убежденный, что он снова в лагере мятежников, а все происшедшее – просто дурной сон, навеянный прокисшей похлебкой. Наверняка в комнату вот-вот ворвется мать и попеняет ему за то, что так заспался. Мэрика охватило почти осязаемое облегчение... но в тот же миг он осознал, что ошибся. Одеяло, которым он был укрыт, оказалось ветхим и вдобавок пропахло плесенью, да и комната, где он спал, была совсем незнакомая – не комната, а жалкая клетушка. Ушибы и ссадины, заработанные прошлой ночью, тоже дали о себе знать. Постепенно Мэрик вспомнил все.

Не единожды за время ночного путешествия тот, кто назвался Логейном, уверенно объявлял, что за ними следят. Это донельзя раздражало верзилу по имени Дэннон, поскольку Логейн всякий раз требовал свернуть с намеченного пути и долго плестись в обход. Мэрик был совсем не против лишних предосторожностей, однако к тому времени, когда они добрались до предгорий, он едва держался на ногах. Добрых два часа брели они в темноте, продрогнув до костей и за всю дорогу перекинувшись едва ли парой слов. Как добрались до самого лагеря, Мэрик помнил смутно. Зато в памяти хорошо отпечатались удивление – сколько грязных и ветхих палаток было рассыпано среди валунов и кустарника. Он-то ожидал увидеть от силы горстку изгоев, но в этих горах, похоже, укрывалась от преследований целая община. Мэрик почти не помнил косых взглядов и перешептываний за спиной. Сон, в котором он так отчаянно нуждался, подкрался совсем близко и властно предъявил права на его изнуренную плоть.

От воспоминаний Мэрика отвлек едва слышный плеск. Он открыл глаза и тут же зажмурился: в крохотное оконце бил нестерпимо яркий полуденный свет. Все расплывалось перед глазами, в голове пульсировала неотвязная ноющая боль. Мэрик поморгал, глаза понемногу привыкли к освещению. Он припомнил, что в лагере было только одно строение – крохотная, сложенная из бревен хижина, в которой никак не могло быть больше одной комнаты. Судя по всему, именно там Мэрик сейчас и находился. Обстановка здесь была скудная – шаткая кровать, стол да пара кучек чего-то, что здорово смахивало на грязное тряпье. Единственным украшением комнаты была резная картинка, висевшая над кроватью: пламенное солнце, заключенное в круг. Святой символ.

Мэрик расправил плечи, стараясь справиться с болью. Он с удивлением отметил, что лежит под одеялом в одних подштаниках.

– Я тебя разбудила?

Голос донесся откуда-то сбоку. Мэрик повернул голову и лишь сейчас сообразил, что женщина все это время стояла на коленях рядом с ним, у кровати, и полоскала тряпку в тазу с водой.

– Прошу прощения. Я стараюсь не слишком шуметь.

Говорила она степенно и добродушно, а красное одеяние говорило о ее принадлежности к Церкви. Мэрику не часто доводилось бывать в храмах – Церковь давным-давно приняла сторону узурпатора, – однако мать все равно настояла, чтобы он получил должное образование в этой области. Мэрик, как и все ферелденцы, верил в Создателя и чтил жертву Его первой супруги и пророчицы Андрасте. И уж конечно, с первого взгляда мог распознать служителя Церкви. Что делает эта женщина здесь, в лагере изгоев?

– Ваше... преподобие? – Голос Мэрика больше смахивал на хриплое карканье, он откашлялся, отчего боль в голове запульсировала еще сильнее.

Мэрик громко застонал и откинулся на подушку – комната так стремительно закружилась перед глазами, его затошнило.

Женщина сочувственно хихикнула:

– Ох нет, ради всего святого! Незачем меня так величать.

Теперь Мэрик мог лучше разглядеть ее. Годы оставили отпечаток, но в целом обошлись с ней милостиво. Ее выющиеся светлые волосы давно поседели, вокруг усталых глаз сеткой залегли морщины. И все-таки без труда можно было понять, что когда-то, очень давно, эта женщина была красавицей. Помимо церковного облачения, на ней был золотой медальон – крест Андрасте, обрамленный священным пламенем. Перехватив взгляд Мэрика, женщина улыбнулась:

– Увы, я уже давным-давно лишилась своего места в церковной иерархии.

Она отжала грязную тряпку и вновь принялась протирать его лицо. Прикосновение влаги было прохладным и освежающим, Мэрик прикрыл глаза, покорно принимая заботу. Когда она наконец остановилась, юноша коснулся ее руки:

– Долго я так... провалялся?

Женщина помолчала, глядя на него усталыми серыми глазами. Во взгляде ее светилось сочувствие, но и подозрение.

– Да почти что весь день, – наконец ответила она. Затем ободряюще улыбнулась и ладонью отвела со лба Мэрика пряди растрепанных волос. – Да ты не тревожься, паренек. Что бы ты там ни натворил, здесь тебе пока что ничего не грозит.

– А где это «здесь»?

– Так Логейн тебе ничего не сказал? – Женщина вздохнула и вновь погрузила тряпку в таз, отчего вода тотчас закружилась красным. – Ну да чего еще от него ждать? Из этого мальчишки слова не вытянешь. Вылитый отец. – Она весело глянула на Мэрика, словно давая понять, что иного объяснения и не требуется. – Мы в Южных Холмах, у самой окраины Диких земель. Впрочем, думаю, это ты и так знаешь.

Женщина осторожно протерла мокрой тряпкой затылок Мэрика – и он передернулся, пронзенный новым приступом острой боли. Мэрик постарался не думать, насколько сильно ему досталось.

– Названия у этого места нет. Мы просто остановились здесь на время, вот и все. Те, кто живет в нашем лагере, по большей части просто пытаются выжить.

– Как это знакомо... – пробормотал Мэрик.

Тем не менее он сомневался, можно ли на самом деле сравнивать его жизнь с существованием, которое влачила шайка изгоев. Даже будучи в изгнании, Мэрик и его мать повсюду, где бы ни прятались, могли рассчитывать на приличные условия. Отдаленные замки, аббатства, укрытые в горах... Всегда находился какой-нибудь дворянин, готовый предоставить им кров, или просто доброхот, который обеспечивал их в походе просторным шатром. Мэрик всегда горько сетовал на тяготы такого существования, на лишения, скуку и отсутствие свободы. Судя по нищете, которая бросилась ему в глаза по прибытии в этот лагерь, здешние обитатели сочли бы Мэрика везунчиком. И наверное, были бы недалеко от истины.

– Все мы подчиняемся Гарету, и с каждым годом наше число растет. Похоже, в мире никогда не будет недостатка в отчаявшихся душах, которым больше некуда податься. – Женщина вновь легонько ошупала голову Мэрика и нахмурилась. – Гарет – это отец Логейна, если ты с ним еще не знаком.

– Не знаком.

– Так познакомишься. – Она опять отжала тряпку, и на сей раз по воде расплылись темные, зловещего вида струйки. Интересно, его голова выглядит совсем кошмарно? – Меня зовут сестра Эйлис.

– А меня – Хирэм.

– Ну да, мне так и сказали. – Она кивком указала на руки Мэрика. – Думаю, ты будешь не против их отмыть.

Мэрик опустил взгляд на свои ладони – они все так же были почти по локоть в грязи и запекшейся крови. Без единого слова он взял у женщины мокрую тряпку.

– У тебя на руках немало крови, – многозначительным тоном заметила сестра Эйлис.
– Это не моя кровь. По большей части.

Священница смотрела на него бесстрастно и испытующе:

– И что ты об этом думаешь?

Мэрик медленно отмывал руки, целиком сосредоточившись на этом занятии. Он понимал, о чем она спрашивает. Там, в лесу, его первым порывом было скрыть, кто он такой, и, наверное, этот порыв был правильным. В конце концов, сестра Эйлис сама сказала – «отчаявшиеся души». Мэрик понятия не имел, сколько заплатил бы за его голову узурпатор, но наверняка такую сумму, что этим людям и не снилась. Можно только гадать, сколько монет понадобилось, чтобы тот меч пронзил грудь его матери...

– Он напал на меня. Я защищался. – Даже для самого Мэрика его голос прозвучал безжизненно и фальшиво. – Они убили мою мать.

Оттого что он произнес эти слова вслух, поверить в них оказалось ничуть не проще.

С минуту священница молчала, пронзительно глядя на него.

– Да примет ее Создатель, – смягчившись, напевно проговорила она.

Мэрик поколебался.

– Да примет ее Создатель, – повторил он, и голос его вдруг стал сиплым от горя.

Сестра Эйлис понимающим жестом накрыла ладони юноши своими. Мэрик отдернул руки, и вышло это резче, чем ему хотелось, но она не сказала ни слова. Воцарилось долгое неловкое молчание. Мэрик уставился на свои наполовину отмытые пальцы. Женщина отобрала у него пропитанную кровью тряпку и выполоскала ее в тазу.

Юноша неуклюже попытался сменить тему:

– Если ты служительница Церкви, что же ты делаешь здесь?

Сестра Эйлис улыбнулась, кивнув с таким видом, словно слышала этот вопрос уже тысячу раз:

– Когда Создатель вернулся в мир, Он избрал себе невесту, которая должна была стать Его пророчицей. Мог бы Он обратить взор на империю, славную богатством своим и могущественными магами, на цивилизованные страны Запада или города северного побережья. Однако же привлекло Его варварское племя, живущее на самом краю Тедаса.

– И так пал взор Создателя на Андрасте, – тут же подхватил Мэрик, – на отверженную скиталицу, коей суждено было стать Его невестой. Ее устам суждено было изречь Песнь Света, ее волею и велением суждено было явиться в мир легионам праведности.

– О, да ты образованный? – Сестра Эйлис явно была впечатлена, но Мэрик мысленно выругал себя за неумное желание покрасоваться. Женщина бережно приподняла на ладони священный символ, который висел у нее на груди, глянула на него с нежностью, словно на старинного друга. – Люди порой забывают, что Ферелден не всегда был таким, как сейчас, – родиной пророчицы Создателя. Когда-то его поносил и презирал весь цивилизованный мир. – Она мягко улыбнулась, и глаза ее заблестели. – Порой наивысшую драгоценность можно отыскать там, где меньше всего ожидаешь найти.

– Но ведь эти люди...

– Преступники? Воры? Убийцы? – Сестра Эйлис пожала плечами. – Я здесь затем, чтобы наставить их и, насколько хватит моих слабых сил, помочь их борьбе. Что бы ни натворил в своей жизни каждый из них, судить его деяния дано лишь Создателю, и только Ему.

– Магистры тоже судили деяния Андрасте. И если помнишь, сожгли ее на кресте.

Женщина лукаво хихикнула:

– Да-да, где-то я об этом уже слышала.

Их разговор прервало появление Логейна. Сейчас он выглядел куда опрятнее, чем ночью. Кожаный доспех с заклепками выглядел внушительно, а большой лук, висевший на плече, – и вовсе устрашающе. Недурное снаряжение для браконьера, подумал Мэрик. Логейн, видимо,

почувствовал, что его разглядывают, и одарил Мэрика убийственным взглядом. Он, в отличие от сестры Эйлис, даже не старался скрыть подозрение. Внезапно смутившись, Мэрик натянул одеяло повыше, чтобы прикрыть наготу.

– Стало быть, он все же соизволил проснуться, – сухо заметил Логейн, не сводя глаз с Мэрика.

– Он немного оправился, – отозвалась священница и подняла с пола таз с водой. – Досталось ему, надо сказать, изрядно. Ты, Логейн, хорошо сделал, что привел его сюда.

Логейн мельком глянул на нее:

– Посмотрим. Он тебе что-нибудь рассказал?

Мэрик поднял руку:

– Эй! Я, кажется, еще здесь!

Сестра Эйлис глянула на Логейна, лукаво изогнув бровь:

– И в самом деле. Почему бы тебе не поговорить с ним?

– Я так и собирался, – бросил Логейн и, повернувшись к Мэрику, добавил: – Отец хочет тебя видеть.

Не дожидаясь ответа, он развернулся на каблуках и широкими шагами вышел из хижины.

Священница жестом указала на одежду, сложенную стопкой в углу, возле столика.

– Сапоги твои стоят под столом. Все прочее мне, увы, пришлось сжечь. Особых нарядов здесь нет, но я уверена, ты подберешь себе что-нибудь.

С этими словами она направилась к двери.

– Сестра Эйлис! – окликнул Мэрик.

Женщина остановилась на пороге, оглянулась, и Мэрик вдруг обнаружил, что не знает, что сказать.

– На твоём месте я бы не заставляла Гарета ждать, – только и сказала она. И ушла.

Мэрик вышел из хижины. При ярком свете дня лагерь куда больше походил на самую обычную деревню, где кипела повседневная жизнь. В ручье стирали на камнях одежду, на нескольких кострах посреди лагеря жарилась крольчатина, женщины, болтая без умолку, латали палатки, и повсюду, путаясь под ногами у старших, шныряли дети. На взгляд Мэрика, они были чересчур тощи и грязны, но такое зрелище не было в диковинку и в других селениях Ферелдена. Орлесианцев трудно было назвать добрыми господами. По всему было видно, что лагерь стоит здесь уже не первый месяц.

Несколько мужчин разбойного вида, одетых по большей части в лохмотья, заметили Мэрика и открыто сверлили его холодными оценивающими взглядами. Превосходный кожаный доспех Логейна явно был в этом лагере исключением.

Оглядевшись по сторонам, юноша без труда заметил самого Логейна: тот стоял неподалеку и разговаривал с каким-то рослым мужчиной. Судя по всему, это и был его отец. Этот человек тоже был облачен в кожаный доспех с заклепками, взгляд у него был такой же суровый и волосы – такие же черные, только поредевшие и на висках подернутые сединой. Пары секунд Мэрику хватило, чтобы понять, кто здесь главный. За всю жизнь он встречал немало таких людей – они были командирами в армии его матери, они видели смысл жизни в порядке и дисциплине. Странно, что такого человека ему довелось повстречать именно здесь.

Логейн наконец-то заметил Мэрика, одиноко торчавшего посреди деловитой суеты лагеря, и качнул головой, указывая на него отцу. Во взгляде его было все то же неприкрытое подозрение, и Мэрик мог только гадать, что же он натворил с минувшей ночи, чтобы заслужить подобную враждебность.

«Это потому, что ты лгал ему, и до сих пор лжешь, – напомнил он себе, – а еще потому, что ты ни на что не годный болван».

Отец и сын шли по лагерю, а Мэрик стоял и внутренне ежился, чувствуя, как его испытующе разглядывают издалека. В эту минуту он, как никогда, мало ощущал себя королем – продрогший, измученный, неуклюжий. Мэрику вдруг ужасно захотелось, чтобы мать примчалась на помощь. Мятежная Королева была бы, как всегда, великолепно – золоченая броня сверкает, светлые волосы и пурпурный плащ развеваются на ветру. Нетрудно было понять, почему ее все так любили. Все эти жалкие бродяжки тотчас бы попадали на колени – все, даже Логейн и его отец. Вот только она больше никогда не примчится, и, сколько ни жди, мечты все равно не сбудутся. Мэрик стиснул зубы и мужественно встретил взгляды двух пар льдисто-голубых глаз.

– Хирэм? – Гарет протянул руку в дружелюбном приветствии.

Мэрик пожал ее и тотчас осознал, насколько силен этот человек. Отец Логейна был далеко не молод, но Мэрик мог побиться об заклад, что Гарет способен завязать его узлом и подбросить вверх, точно ребенок – тряпичную куклу, да еще при этом ничуть не вспотеть.

– Э-э-э... ну да, – выдавил он. – Добрый день. А ты, наверное, Гарет?

– Точно. – Гарет поскреб подбородок и оглядел Мэрика с ног до головы с таким видом, точно перед ним ярмарочная диковинка. Логейн стоял в шаге позади него, сохраняя на лице подчеркнуто беспристрастное выражение. – Сын говорит, ты у Лотеринга угодил в какую-то заварушку. За тобой гнались солдаты банна Сеорлика.

– Не только его, но... да и они тоже.

Гарет медленно кивнул:

– И сколько же их там было?

– Точно не знаю. Мне показалось, что много.

– И все в лесу? Банн Сеорлик даже не из этих мест. Знаешь, зачем их туда понесло?

– Не знаю, – солгал Мэрик. Ложь повисла в воздухе, а отец и сын в упор смотрели на него, и глаза Логейна сузились еще сильнее. Похоже, Мэрик мог прибавить к списку своих недостатков еще и «отъявленный лгун». Качество, не слишком-то подходящее для короля, хотя мать и твердила упорно, что он обладает всеми королевскими добродетелями. В горле у него вдруг пересохло, но он не собирался отказываться от своих слов. – Они гнались за мной после того, как убили моего друга.

– Друга? – быстро переспросил Гарет. – Или мать?

Ну конечно – сестра Эйлис все ему рассказала. Мысли Мэрика заметались, и он лихорадочно пытался вспомнить, что уже говорил, а о чем пока умолчал. От усилия рана на затылке снова заныла.

– Мать и была мне другом, – неуклюже объяснил он.

– А как же вы с матерью оказались в лесу? Вам туда соваться нужно так же, как банну.

– Мы просто проезжали мимо.

Гарет и его сын обменялись многозначительными взглядами. Мэрик не мог понять, что у них на уме. Мужчина вздохнул и задумчиво почесал подбородок.

– Послушай, Хирэм, – начал он рассудительным тоном, – мы тут в таком положении, что всегда приходится беречься. Если где-то в округе рыскают королевские солдаты, нам надобно знать почему.

Мэрик не проронил ни слова, и лицо Гарета потемнело от гнева. Повернувшись, он обвел широким жестом обитателей лагеря. Кое-кто из них уже подошел поближе, обступая говоривших со всех сторон.

– Видишь этих людей? – ровным голосом спросил Гарет. – Я за них в ответе. Мне нужно их уберечь. Если те солдаты двинутся сюда...

Мэрик нервно огляделся, все яснее сознавая, что внимание неуклонно растущей толпы привлекает именно его особа. Он судорожно сглотнул и пробормотал:

– Хотел бы я сам это знать.

– Не надо было мне его сюда приводить! – взбешенно процедил Логейн.

Гарет, впрочем, вряд ли услышал сына. Он все так же не сводил глаз с Мэрика, и лицо у него было озадаченное.

– Да зачем же им гоняться за тобой? – спросил он, сдвинув густые брови. – Что ты натворил?

– Ничего я не натворил. Ничего!

– Врет он! – вскипел Логейн. И, выхватив из ножен висевший у пояса кинжал, с угрожающим видом шагнул вперед. Толпа зевая, почуяв близкое кровопролитие, отозвалась возбужденным бормотанием. – Отец, дай мне его прикончить! Это все я виноват. Нельзя было его сюда приводить.

Лицо Гарета не изменилось.

– Он не врёт.

– Да какая разница? Нам все равно надо от него избавиться, ну так и нечего тянуть!

Логейн бросился на Мэрика, но Гарет, вытянув руку, преградил ему путь. Молодой браконьер замер как вкопанный, изумленно и непонимающе глядя на отца, но Гарет все так же неотрывно смотрел на Мэрика.

Тот было попятился, но несколько мужчин, мрачно нахмурясь, преградили ему путь.

– Послушайте, – медленно проговорил он, – я ведь могу просто уйти. Я не хотел никому из вас причинять вреда.

– Нет, – отрезал Гарет. Тон его не оставлял места для возражений. Вожак изгоев искоса глянул на Логейна. – Ты уверен, что за вами не следили?

Логейн задумался:

– Мы оторвались от слежки где-то на полпути. В этом можно не сомневаться. – Он нахмурился. – Но это не значит, что они не сумеют нас отыскать. Слишком долго мы пробыли здесь. Сколько местных знает уже про наш лагерь?

Гарет кивнул, принимая его слова к сведению, и снова перевел взгляд на Мэрика:

– Я выслал людей на разведку, и скоро они разузнают, что творится. Если нам грозит опасность, я предпочел бы узнать это сейчас, сию минуту. Так нам грозит опасность?

Мэрик похолодел от страха. Банн Сеорлик и прочие наверняка не отступятся от поисков. Мгновение он раздумывал, не стоит ли рассказать этим людям всю правду. Вот только захотят ли они ему поверить? А если и поверят – к лучшему это обернется или к худшему?

– Да! – решившись, выпалил он. – Да, грозит. Я... вы попадете в беду, если оставите меня здесь.

Логейн пренебрежительно фыркнул и обратился к Гарету:

– Отец, если нам надо чего-то опасаться, мы и так об этом скоро узнаем. К чему оставлять у себя этого сопляка, если так будет только хуже? Прикончим его, и дело с концом.

Кое-кто из мужчин, стоявших рядом, закивал, и в глазах у них загорелись недобрые огоньки. Гарет, однако, хмуро глянул на сына:

– Нет. Этого мы не сделаем.

– Почему?

– Я же сказал – нет.

Взгляды их скрестились. Толпа притихла, не желая вмешиваться в спор, который явно начался не сейчас. Мэрик тоже помалкивал. Кем-кем, а дураком он точно не был.

– Ладно. – Логейн наконец сдался, выразительно закатил глаза. – Тогда давай сниматься с места. Не стоит мешкать.

Гарет обдумал его слова.

– Нет, – покачал он головой. – Подождем разведчиков. У нас еще есть время. – Он обратился к одному из стоявших рядом мужчин – тому, что выглядел покрепче других: – Йорин, отведи пока что Хирэма – или как его там – к сестре Эйлис. Присматривай за ним.

Тот кивнул, а Гарет, повысив голос, заговорил с толпой, которая жадно наблюдала за происходящим:

– Слушайте все! Может выйти так, что нам очень скоро придется трогаться в путь! Я хочу, чтобы все вы были к этому готовы!

Было ясно, что решение принято. Толпа начала редеть, но люди, расходясь, возбужденно перешептывались и переглядывались. Они были напуганы.

Логейн одарил мрачным взглядом Мэрика, которого Йорин взял за плечо и повел прочь. Мэрик услышал, как Логейн сказал отцу:

– Бьюсь об заклад, я мог бы вытянуть из него правду. Всю правду.

– Может, и до этого дело дойдет. А пока мы будем считать его тем, кем он кажется, – до смерти перепуганным парнишкой, которому нужна помощь.

Тон Гарета не допускал возражений, а больше Мэрик ничего не услышал – Йорин уже тащил его к хижине, и сопротивляться юноша не стал. Высоко в небе, над верхушками деревьев, стягивались черные тучи, заслоняя послеполуденное солнце. Собирался дождь.

– Ну а по-твоему, кто он такой?

Логейн, который подтягивал тетиву лука, пропустил вопрос Лодыря мимо ушей. Лодырь, один из тех немногочисленных эльфов, которые примкнули к изгоям, занимался в основном тем, что праздно шатался по лагерю и разносил досужие сплетни, а Логейну совсем не хотелось приумножить панику, которая и так охватила лагерь. Для всех было бы гораздо лучше, если бы отец позволил силой вытрясти из этого Хирэма все тайны, которые тот скрывает. А уж то, что парнишке было что скрывать, Логейн просто интуитивно чувствовал. Тогда, во время разговора, ему на миг показалось, что Хирэм вот-вот им что-то расскажет, но не тут-то было. И отец еще отпустил его подобру-поздорову!

– Ну же, колись! – не отставал Лодырь, примостившись на коленях рядом с Логейном. – Ты наверняка что-то знаешь! Ты же шел вместе с ним всю ночь, верно?

Одно ухо у эльфа было срезано почти начисто, и потому его голова казалась странно скособоленной. Вдобавок физиономию Лодыря пересекал уродливый шрам, который стягивал лицо в вечной ухмылке. То были «подарочки» от какого-то орлесианского лорда – больше Лодырь на эту тему не говорил ни слова.

Логейн подозревал, что лорд был работником. В большинстве городов эльфы влачили хотя и нищенское, но все же свободное существование. От векового рабства их еще в незапамятные времена избавила пророчица Андрасте, однако в самых глухих уголках империи и по сей пору тайно процветала работничья. Как-то вечером, когда все крепко выпили, Лодырь едва не поведал о том, что ему довелось пережить, – казалось, горькая, ядовитая злоба вот-вот хлынет из него. Однако он вовремя прикусил язык еще надежнее прежнего и шарахался от собутыльников до тех пор, пока не упился до полного беспомыслия.

Кого ни возьми, у каждого своя тайна. Логейн вздохнул, принуждая себя поверить Хирэму на слово, как уже поверил отец. Дело оказалось не из легких.

– Тебе что, заняться нечем? – цыкнул он на Лодыря.

Эльф разочарованно вздохнул и поспешил убраться восвояси. Он по собственному опыту знал, что Логейна лучше не злить, а не то ему и впрямь отыщут какое-нибудь занятие.

И все-таки Лодырь задал хороший вопрос. Если этот Хирэм шпион, то он первейший мастер в своем деле, лучший из всех шпионов, о которых Логейну доводилось слышать. Может, он и впрямь тот, кем кажется с виду, – как сказал отец, до смерти перепуганный парнишка. Гарет вечно дает волю состраданию в ущерб здравому смыслу. Что ж, совершенства в мире нет. А все-таки что-то они с отцом упускают, что-то важное, о чем умолчал Хирэм, и эта мысль не давала Логейну покоя. Подобно большинству изгоев, он за прошедшие годы научился понимать, когда надо удирать, и вот теперь его чутье билось в истерике, вопя об опасности. Тот

же безмолвный вопль читался в глазах у всех, стоило только оглянуться по сторонам. Люди ускорили шаг и вздрагивали при каждом непривычном звуке, доносящемся из леса. Кое-кто уже сворачивал палатки, собирая нехитрые пожитки в ожидании приказа сниматься с места.

Закончив возиться с луком, Логейн старательно обошел издали хижину сестры Эйлис – не хотелось поддаваться искушению. У священницы была своя манера расспрашивать новичков, и Логейн не мог не признать, что зачастую она запросто выуживала нужные сведения там, где он или его отец оказывались бессильны. Многие изгои считали сестру Эйлис своим вождем – почти таким же, как Гарет, и, само собой, отец Логейна уже не первый год всецело полагался на ее мудрые советы. Было время, когда Логейн надеялся, что приязнь, возникшая между Гаретом и Эйлис, перерастет в нечто большее – на благо им обоим. Однако сестра Эйлис не могла отречься от обетов, а отец Логейна сильно изменился с той ночи, когда они бежали с хутора. Немало времени прошло, прежде чем Логейн понял: в ту ночь какая-то часть Гарета умерла безвозвратно. Сестра Эйлис лучше, чем сам Логейн, знала, что нужно его отцу, – и Логейну пришлось довольствоваться этим.

Падрик нес стражу на краю лагеря. Он устроился на обломке скалы, откуда видна была как на ладони вся лежавшая внизу долина. Этот паренек был на пару лет моложе Логейна, но при этом недурно стрелял из лука и отличался редким здравомыслием. С другой стороны, сейчас рядом с Падриком стоял Дэннон, и это не сулило ничего хорошего. Они о чем-то перешептывались, но, когда подошел Логейн, разом смолкли.

– Разведчики, которых послал отец, не появлялись? – спросил Логейн у Падрика, ни единым словом не помянув разговор, который он так некстати прервал.

– Нет пока, – смущенно ответил дозорный. Повернувшись, он обшарил взглядом склон горы, спускавшийся к долине. – Вообще ничего не видеть.

– Болтают, будто мы снимаемся, – возвестил Дэннон. Скрестив руки на груди, он угрюмо воззрился на Логейна. – Вроде бы нынче же вечером.

– Глупо это. – Падрик не сводил глаз с долины. – Даже если кто и знает, что этот бело-брысый у нас, – что с того? Неужто они за одним человеком потащатся в этакую даль?

– Согласен. – Логейн повернулся и в упор поглядел на Дэннона. – Но если тебе, Дэннон, так не терпится отпраздновать труса – валяй. Тем более что охотников составить тебе компанию предостаточно.

– Ты же сам сказал, что этот мальчишка опасен.

– Я сказал, что мы не знаем, кто он такой. Но очень скоро узнаем. И если отец решит, что из-за этого нам стоит уйти, он так и скажет.

Дэннон передернул плечами.

– Это все из-за тебя, – проворчал он. – Не мне же стукнуло в голову притащить его в лагерь.

С этими словами он поспешил удалиться.

Падрика, судя по всему, это только порадовало. Паренек благодарно улыбнулся Логейну и вновь вернулся к своим обязанностям.

– А знаешь, все-таки он прав. Странно это.

– Что именно?

– Ну... – Падрик кивком указал на долину. – Я про тех, кого отправили на разведку. Кое-кто из них уже должен был бы вернуться.

– На сколько они уже запаздывают?

– На час, а может, два... Дождя еще не было, так что точно сказать не могу. Только я думал, что уж хотя бы Хенрик вернется вовремя. Он так беспокоился за свою девчонку – ей ведь рожать и все такое...

Сердце Логейна ухнуло в пятки.

– Ты об этом кому-нибудь сказал?

– Только Гарету.

Логейн кивнул и в одиночку двинулся вниз по тропе. Он хотел сам глянуть, что к чему, да и что проку шататься по лагерю, когда отец пытается усмирить всеобщую панику – не важно, обоснованную или нет. Логейн считал само собой разумеющимся, что шайка изгоев держится вместе только временно. Отец наводил порядок, обеспечивал пропитание, сестра Эйлис объединяла их, и то, что большинству этих людей было больше некуда податься, оказалось весьма кстати, но только все они находились в бегах, каждый по своей причине, а от человека, доведенного до отчаяния, трудно ожидать верности и надежности. Отец Логейна был иного мнения. Он считал, что в лихую годину людям нужно объединяться вокруг самого сильного. Всякий раз, когда Гарет заводил такую речь, сестра Эйлис смотрела на него с улыбкой, а на глазах у нее выступали слезы. В этот миг казалось, что убеждения отца имеют под собой твердую почву. И все же Логейн знал, что это не так. Если дела пойдут плохо, Дэннон окажется не единственной крысой, которая сбежит с тонущего корабля.

Надеясь утихомирить свои худшие страхи, Логейн бродил по округе почти до захода солнца. Вначале он прошел назад по пути, которым они втроем минувшей ночью шли в лагерь, и убедился, что за ними действительно никто не следил. Тогда Логейн вернулся в Южные Холмы и прошел по трем известным ему тропинкам, надеясь наткнуться на разведчиков, которых послал отец, или хотя бы на кого угодно. Однако путники сюда, на юг, забредали редко, и Логейн обнаружил только следы подков – какие-то всадники в спешке скакали к Лотерингу. К тому времени, когда начало смеркаться и небо разразилось потоками ледяного дождя, Логейн уже не находил себе места от тревоги.

И только когда он рискнул выйти на тропу, которая проходила недалеко от города, ожидания наконец-то оправдались. Чаще всего этой тропой пользовались контрабандисты и гномы, жившие в западных горах, – первые избегали северных дорог, кишевших патрулями стражи, а вторым и вовсе было наплевать на людские законы. Подобных троп в здешнем захолустье было тьма-тьмуца, и те, кто пользовался ими, чаще всего были не в ладах с законом.

На тропе появился одинокий всадник. Лицо его было скрыто низко надвинутым капюшоном, конь осторожно ступал по склизкой дорожной грязи. Судя по добротному плащу, всадника можно было бы счесть гонцом какой-нибудь городской гильдии, вот только он, похоже, никуда не торопился.

Логейн направился к всаднику – не скрываясь, чтобы тот мог его хорошо рассмотреть. Он старался показать, что не замышляет ничего дурного, но всадник все равно насторожился и, придержав коня, выразительно взялся за рукоять меча. В темном небе полыхнула молния, и дождь усилился. Когда между ними оставалось не меньше двадцати шагов, всадник подал коня назад и наполовину вытащил из ножен меч. Намек был ясен: ближе подходить не стоит.

– Привет тебе! – крикнул Логейн.

Всадник ничего не ответил, и тогда юноша достал из-за спины лук и медленно положил его перед собой на землю.

Этот жест, похоже, отчасти успокоил всадника, хотя конь его все равно беспокойно ржал и гарцевал на месте.

– Чего тебе надо? – наконец отозвался всадник.

– Я ищу своих друзей! – прокричал Логейн. – Они одеты точь-в-точь как я. Может, кто из них проходил по этой тропе?

– Я никого не видел, – ответил всадник. – Но в Лотеринг сейчас набилось столько пришлых, что люди спят на улице. С ума свихнуться. Если где и искать твоих друзей, так только там.

Логейн прикрыл ладонью глаза, защищая их от дождя, а заодно пытаясь рассмотреть под капюшоном лицо собеседника. Как бы не так!

– В Лотеринге полно пришлых?

– А ты разве не слышал? – неприятно удивился всадник. – По округе столько солдатни прошло, что эта новость наверняка уже разнеслась по всему королевству.

– Я ничего не слышал.

– Мятежная Королева мертва. – Всадник опечаленно вздохнул, поправил капюшон, спасаясь от частых дождевых струй. – Говорят, прошлой ночью эти сволочи таки схватили ее в лесу и прикончили. Я пытался до отъезда глянуть на тело, но там слишком много желающих ее оплакать. – Он пожал плечами. – Еще болтают, будто молодой принц тоже вроде бы убит. Ты уж прости, но я так скажу: будем надеяться, что это неправда.

Кровь Логейна застыла в жилах.

– Принц... – оцепенело повторил он.

– Если ему улыбнулась удача, он наверняка еще где-то в округе. А мне по пути попало столько солдат, что лучше бы ему бежать без оглядки.

Дождь не унимался, и всадник, учтивым кивком попрощавшись с Логейном, обогнул его по дуге и двинулся дальше.

Юноша так и остался стоять как вкопанный. В мыслях царила полная неразбериха. Высоко в небе ослепительно сверкнула молния.

Мэрик без малейшего аппетита прихлебывал суп, лениво гадая, что за живность послужила основой для этой стряпни. Наконец сестра Эйлис отобрала у него миску и вернулась к шитью. Она ставила заплатки на одеяла и чинила одежду, при этом все время напевая себе под нос. Мэрику показалось, что это были отрывки из Песни Света, хотя слов он разобрать не мог. Да и по правде говоря, его мысли сейчас были заняты совсем другим.

Например, тем, как выбраться из хижины. Снаружи явно царила деятельная суета – люди готовились свернуть лагерь. Священница это отрицала. Мэрик уже трижды спрашивал, вернулись ли разведчики, которых послал Гарет, и наконец дюжий охранник, карауливший за дверью, пообещал, что, буде они вернутся, об этом сразу известят сестру Эйлис. Мэрик сидел на кровати, ерзая от беспокойства. Вновь его посетила мысль, не выложить ли все начистоту, но только к чему приведет подобная откровенность? Как поступит Гарет, узнав, что беглец, который свалился ему на голову, в сотню раз опаснее, нежели он предполагал? Лучше выбраться отсюда, уйти подальше от этих бедолаг и попытаться вернуться к армии мятежников. Увы, закрытая дверь и торчавший за ней охранник оказались неодолимым препятствием.

«Прекрасно же ты начинаешь свое правление, король Мэрик! – мысленно распекал он себя. – Столь превосходный дар находить выход из затруднительного положения весьма тебе пригодится, когда возглавишь мятеж!»

– Ты судишь себя чересчур сурово, – заметила сестра Эйлис, поднимая взгляд от шитья.

На носу у нее восседали изящные очки гномьей работы, и при виде их Мэрику вспомнился дед – король Брандель... «Брандель Победенный», как назвала его история. В памяти самого Мэрика дед остался бесконечно печальным и в то же время исполненным достоинства. У Бранделя были очки в позолоченной оправе, но всякий раз, когда кто-то заставал его в очках, он немедленно снимал их и прятал, опасаясь, как бы не решили, что он слепнет. В детстве Мэрик полагал недурным развлечением стянуть у деда очки и носиться в них по всему замку. Во всяком случае, развлекался он здорово, до тех пор пока кто-нибудь его не ловил, – обычно это была мать. Кстати говоря, даже ей приходилось подавлять смех при виде Мэрика в дедовых очках, и ругала она сына больше ради приличия. Потом, оставшись наедине, они смеялись, мать чмокала его в нос и не слишком искренне просила больше так не проказничать. Просьбы эти он, само собой, пропускал мимо ушей.

Странно, что все это припомнилось именно сейчас. Он уже много лет не вспоминал про деда. Мэрик отвел взгляд от сестры Эйлис и запоздало сообразил, что она ждет ответа.

– Извини, что ты сказала?

– Я сказала, что ты судишь себя чересчур сурово. Ты напуган, это кто угодно заметит. – Священница понимающе улыбнулась. – А тебе, молодой человек, не приходило в голову, что ты оказался здесь именно потому, что тебя направлял Создатель?

Мэрику очень хотелось, чтобы это было правдой. Он устался в пол и сидел так до тех пор, пока сестра Эйлис не вернулась к шитью и не оставила его в покое. Юноша не хотел, чтобы эти люди пострадали из-за него, и все больше и больше убеждался, что наилучший выход – как только еще раз откроется дверь хижины, сломя голову рвануться наружу. Если его прикончат, прежде чем он выберется из лагеря, – что ж, так тому и быть. По крайней мере, больше из-за него этим людям не будет грозить опасность.

Какое-то время Мэрик так и сидел, уставясь в пол и прислушиваясь к звукам снаружи – к перестуку капель и лихорадочной суете обитателей лагеря. Мужчины и женщины пронзительно перекрикивались, укрывая от дождя пожитки и загоняя в палатки беспечно хохочущих детей. Хижину наполнял свежий аромат дождя – запах, который в детстве дарил Мэрику неизъяснимое наслаждение: он означал, что мать не сможет никуда отправиться и останется дома. Теперь же этот запах только приумножил тревогу. Мэрику казалось, будто он только и делает, что чего-то ждет: когда явится Логейн, чтобы с ним все-таки разделаться; когда придет Гарет и прикажет выпустить его; когда его снова начнут расспрашивать; когда наконец случится хоть что-нибудь. В конце концов Мэрик заснул, но спал беспокойно и не видел снов.

Он так и не понял, сколько времени прошло, когда дверь наконец с грохотом распахнулась. Дождь снаружи ослаб и теперь только моросил; пожилая священница, оказывается, тоже задремала в кресле. От грохота двери она вскинулась и, охнув от неожиданности, схватилась за свой массивный амулет. В дверях хижины стоял Гарет. Он промок до нитки, но льдистые голубые глаза горели огнем.

– Гарет! – вскрикнула сестра Эйлис. – Дыхание Создателя, что случилось?

– Солдаты. Идут через лес. – Крепко сжатые губы Гарета искривились в мрачной гримасе. Дождевая вода ручейками стекала по его кожаному доспеху на пол. В два шага он оказался возле Мэрика, сгреб его за грудки, рывком поднял с кровати и изо всей силы швырнул его о стену хижины. – Ты что натворил, а?

Мэрику следовало бы перепугаться до смерти, но этого не произошло. Отчего-то он внутренне оставался совершенно спокоен.

– Я же говорил, – голос Мэрика был безжизненно ровен, – солдаты идут за мной. Думаю, если вы отдадите им меня, они, может, вас и пальцем не тронут.

– Да почему?! – проревел Гарет. Порыв ветра оглушительно грохнул распахнутой дверью о стену, и в хижину с воем ворвались ледяные струи дождя. Отовсюду, со всех сторон лагеря уже неслись перепуганные крики. – Кто ты такой?! – рявкнул Гарет и тряхнул Мэрика так, что едва не вышиб из него дух.

– Прекрати! – пронзительно крикнула сестра Эйлис, вцепившись в свободную руку Гарета.

Он оттолкнул священницу, даже не глянув на нее.

– Кто ты такой? Говори!

– Я скажу тебе, кто он такой! – крикнули с порога. В дверном проеме хижины стоял Логейн – бледный, насквозь промокший и с горящими жадой крови глазами. В руке он держал нож и, стремительно подойдя к Мэрику, приставил лезвие к его горлу. – Это принц, прокляни его Создатель! Растреклятый принц!

Гарет свободной рукой схватил Логейна за запястье, и мгновение они молча боролись за нож. Острое лезвие плясало в опасной близости от горла Мэрика. Логейн рычал от гнева, но, мельком глянув на отца, опешил при виде безмерного потрясения на его лице.

– Что ты хочешь этим сказать? – жестко спросил Гарет, и в его ледяном голосе лязгнула сталь.

Битва за нож замерла. Логейн не сдавался, но его явно смутила перемена в поведении отца.

– Отец, прошлой ночью в лесу убили Мятажную Королеву. Об этом уже все знают. Вот про какую мать он нам говорил! Он просто умолчал о самом главном, верно?

Лицо Гарета было совершенно непроницаемо. Он застыл, глядя в пустоту, и по лбу его стекали крупные капли воды.

Снаружи по-прежнему доносились беспорядочные крики. Ошарашенная, сестра Эйлис подхватила подол рясы и бросилась к двери, чтобы закрыть ее.

Свист ветра, бьющегося о дверь, словно пробудил Гарета от оцепенения. Вожак изгоев медленно повернул голову и воззрился на Мэрика так, словно тот у него на глазах превратился в чудовище:

– Это правда?

– Я... мне очень жаль, что так вышло, – только и сумел выдавить в ответ Мэрик.

Наступило молчание. Гарет резко оттолкнул Логейна. Нож с лязганьем упал на пол, а Логейн отлетел к дальней стене хижины.

И тогда Гарет одним плавным движением опустился на колени и склонил голову:

– Ваше высочество... – Голос его сорвался в хрип.

Мэрик огляделся, совершенно растерявшись от того, какая тишина воцарилась в хижине. Все трое неотрывно смотрели на него, смотрели так, словно ждали, что он вот-вот выкинет какую-то штуку, – а он даже не знал, какую именно. Выхватит из-за пазухи корону? Вспыхнет пламенем? «Это бы как раз не помешало», – мельком подумал он. Буря с удвоенной силой обрушилась на лагерь, и рев ее был единственным звуком, нарушавшим тишину. Казалось, что это мгновение тянется целую вечность.

– Ты... кланяешься ему? – наконец недоверчиво спросил Логейн, во все глаза уставясь на отца. И тут же его голос стал хлестким от ярости: – Ты его защищаешь? Да ведь он нам врал!

– Он – принц, – сказал Гарет, как будто это все объясняло.

– Мне он не принц. Из-за него мы все погибнем! – Логейн вскочил, стремительно шагнул к Гарету. – Отец, солдаты не только в лесу! Они движутся и через долину! Мы окружены, и все потому, что им нужен этот... принц!

– Послушайте... – Мэрик изо всех сил постарался, чтобы голос его звучал убедительно. – Я не хочу, чтобы из-за меня кто-то пострадал. Просто отдайте меня солдатам. Я сам к ним выйду.

– Они уже здесь? – дрожащим голосом спросила сестра Эйлис. Гарет молча кивнул. – Тогда что же нам делать?

Логейн поднял с пола нож.

– Отдадим его солдатам, – убежденно сказал он. – Отец, он же сам об этом попросил. Отдадим его – и нас не тронут.

– Нет.

В бешенстве Логейн метнулся к Гарету, схватил его за плечо, рывком развернул к себе.

– Отец... – Он выделил это слово тоном, недвусмысленно говорившим: «выслушай меня». – Мы... ему... ничем... не обязаны.

Лицо Гарета стало печальным, и он мягким, почти ласковым движением снял руку Логейна со своего плеча. Сын не сопротивлялся, и ярость отхлынула от лица, уступив место пониманию. Что-то произошло в этот миг между ними, и Мэрик видел это, но что именно – сразу не понял.

– Ты сможешь вывести его? – спросил Гарет.

Логейн словно окаменел, лишившись дара речи, но все же кивнул.

– погоди! – слабо запротестовал Мэрик, подняв руку. – Ты о чем?

Гарет вздохнул:

– Мы должны спасти вас, ваше высочество. Логейн знает лес как свои пять пальцев. Вы можете на него положиться. – Он стремительно выдернул из ножен меч. – Я задержу их, чтобы вы успели уйти. Я и все, кого мне удастся собрать.

– Ты мог бы пойти с нами, – проговорил Логейн, обращаясь к отцу. В голосе его прозвучала безнадежность.

– Тогда они просто погонятся за нами. Нет, так не пойдет.

Гарет оглянулся на сестру Эйлис. Женщина не сводила с него глаз, по лицу ее бежали слезы.

– Прости, Эйлис. Я надеялся, что у нас выйдет... совсем не так.

Она замотала головой, и глаза ее, хоть и были полны слез, яростно вспыхнули.

– Тебе незачем извиняться передо мной, Гарет Мак-Тир.

Спокойствие Мэрика таяло на глазах. Неужели они и впрямь предлагают сделать то, о чем говорят? До хижин доносились отдаленные крики – и на их фоне замысел Гарета быстро, пугающе быстро обретал плоть.

– Остановись! – крикнул Мэрик. – О чем ты говоришь? Это безумие!

Логейн возрился на него так, словно единственным безумцем среди них был именно Мэрик, но Гарет шагнул к принцу и положил ему на плечо крепкую ладонь.

– Я когда-то служил твоему отцу. – Голос Гарета был ровен и тверд, и Мэрик широко раскрытыми глазами смотрел на вожака изгоев. – Орлесианцу не место на троне Ферелдена, и, если твоя мать и впрямь мертва, согнать с этого трона узурпатора предстоит тебе. – Он помолчал, стиснув зубы, а когда заговорил снова, голос его срывался от наплыва чувств: – И если я могу тебе в этом помочь, то готов пожертвовать всем, даже своей жизнью.

– Отец... – начал было Логейн, но возражения застыли у него на устах, когда Гарет повернулся к нему.

Мэрик ясно видел, что отец Логейна непоколебим в своем решении, и Логейн, вероятно, понял то же самое. И все же он кипел от возмущения, злясь на отца за то, быть может, что Гарет был чересчур щедр с чужаком, с тем самым человеком, который навлек на них беду. Мэрик знал, что не может его за это упрекать.

– Логейн, дай слово, что будешь защищать принца.

– Я не могу тебя бросить! – вспыхнул Логейн. – Вот так прямо взять и бросить – не могу...

– Сможешь. Дай слово, Логейн.

Тот побелел от потрясения, и на миг казалось, что он готов ответить отцу решительным отказом. Он метнул убийственный взгляд на Мэрика, которого, вне всяких сомнений, считал виновным во всем происходящем, но Гарет ждал ответа, и в конце концов Логейн нехотя кивнул.

Мужчина повернулся к Мэрику:

– Тогда, ваше высочество, вам нужно уходить. И побыстрее.

Он говорил совершенно серьезно. Мэрик не сомневался в этом ни на секунду и верил, что Логейн сдержит слово, какие бы чувства его сейчас ни терзали. И все равно Мэрик был потрясен до глубины души. Знай он, что так выйдет, он бы доверился Гарету сразу без всяких сомнений. Ему захотелось что-нибудь сказать в ответ, но на ум приходили только сотни совершенно неуместных извинений, а с ними слова, которые сказала однажды Мэрику мать.

«За то, что эти люди отдают нам, ничего не требуя взамен, – говорила она, – сами они платят очень высокую цену. Не забывать об этом – единственный способ доказать, что мы достойны такой жертвы».

– Гарет, – сказал он вслух, – ты... ты был рыцарем?

Этот вопрос явно застал Гарета врасплох.

– Э-э-э... нет, ваше высочество. Одно время я был приставом.

– Тогда преклони колено. – Мэрик старался, как мог, подражать голосу матери, и ему это, похоже, удалось.

Гарет, побелев от потрясения, опустился на одно колено.

– Сестра Эйлис, я хочу, чтобы ты засвидетельствовала то, что сейчас произойдет.

Священница сделала шаг вперед:

– Да, ваше высочество.

Мэрик положил руку на голову Гарета, от души надеясь, что память, вопреки всем страхам, его не подведет.

– Именем Каленхада Великого здесь и ныне пред взором Создателя провозглашаю тебя рыцарем Ферлдена. Встань, сер Гарет, и верно служи своей отчизне.

Гарет неловко выпрямился, и глаза его под насупленными бровями вспыхнули огнем.

– Благодарю, ваше величество.

– Все, что в моих силах, – виновато пробормотал Мэрик. Что еще он мог сказать?

Логейн, нарушая торжественность минуты, выступил вперед. С каменным лицом он указал на Мэрика:

– Нам надо уходить. Немедленно.

Принц кивнул, но, прежде чем он успел тронуться с места, сестра Эйлис метнулась в угол, где была сложена грудой чиненная ею одежда. Женщина выдернула из этой груды просторную шерстяную куртку и, не говоря ни слова, начала натягивать ее на Мэрика.

Пока они возились с одеждой, Гарет вполголоса проговорил, обращаясь к сыну:

– Логейн...

– Молчи! – резко оборвал его Логейн. Голос его прозвучал враждебно и горько. На Гарета он старался не смотреть.

На миг между отцом и сыном воцарилось неловкое молчание, а крики между тем звучали все ближе и ближе.

Наконец Гарет кивнул:

– Ты уж постарайся.

– Ну да, – отрывисто бросил Логейн.

Сестра Эйлис, поколебавшись, сунула руку в складки рясы и извлекла на свет кинжал, да такого зловещего вида, что у Мэрика от изумления округлились глаза. Прежде чем он успел вымолвить хоть слово, священница вручила ему кинжал и сомкнула на рукояти его пальцы. Затем она прямо взглянула на Мэрика, и во взгляде ее читалось: «Да простит Создатель всех нас». Мэрик внутренне похолодел и благодарно кивнул.

Гарет обнажил меч и с деловитым видом шагнул к двери:

– Дайте мне минуту, а потом бегите.

Сестра Эйлис встала рядом с ним.

– Я пойду с тобой, – негромко сказала она.

Гарет посмотрел на нее, хотел возразить, но передумал. Он лишь коротко кивнул, и они бок о бок выскочили из хижины в бушевавшую снаружи бурю.

Логейн вскинул руку, преграждая путь Мэрику, хотя у того и в мыслях не было броситься следом. Неподвижный взгляд Логейна был устремлен на зияющий проем двери. Лицо его было бесстрастно, но во взгляде читалось напряжение, и Мэрик решил, что лучше помалкивать. И они замерли в скудном сумеречном свете, выжидая и прислушиваясь. Вначале слышен был оглушительный рык Гарета, с легкостью перекрывший даже раскаты грома и шум дождя, – Гарет созывал к себе обезумевших от паники изгоев. Крики усилились, и слышно было, как сестра Эйлис во весь голос кричала кому-то остановиться во имя Создателя. И тут в эту сумятицу ворвался шум боя – предсмертные вопли, лязг стали.

Логейн без единого слова метнулся к двери, волоча Мэрика за собой. Тот едва не споткнулся, но все же устоял на ногах и очертя голову нырнул в сплошную завесу ледяного дождя. Что-то разглядеть в этой кутерьме было почти невозможно, и Мэрик на миг растерялся, сбитый с толку. Совсем рядом трещал огонь, пожирая какую-то крупную добычу, и шум боя доносился со всех сторон. В это мгновение Мэрика с силой дернули за полу куртки.

– Берегись! – рявкнул Логейн.

Во всеобщей сумятице Мэрик едва расслышал его. Пелена дождя заволокла все вокруг, но юноша все же сумел разглядеть бой, который шел на другом конце лагеря. Он отыскал взглядом Гарета – вожак изгоев размеренно взмахивал мечом, прорубая широкую просеку в рядах врагов, которые явно не ожидали встретить такое сопротивление. Солдаты, однако, были в доспехах, да к тому же превосходили числом тех немногих, кого Гарету удалось собрать вокруг себя. Исход боя был предрешен.

Прочие бежали из лагеря во все стороны – кто-то еще пытался прихватить жалкие пожитки, кто-то просто уносил ноги, осознав величину грозящей опасности. На земле, в той стороне, куда бежали Мэрик и Логейн, валялись несколько убитых, в том числе какая-то девушка. Мэрик едва не споткнулся о ее труп, и Логейн опять зашипел от ярости.

Они бежали прочь от боя. Наперерез им выскочил солдат в кольчуге и с непонятным значком на синей рубахе. При виде беглецов глаза его округлились, и он хотел уже позвать на помощь, но Логейн оказался проворнее и, даже не замедлив бега, проткнул солдата насквозь, и тот с предсмертным клочкотанием осел на землю.

– Не стой как дурак! – рявкнул Логейн, и Мэрик только сейчас сообразил, что именно это он и делает.

Он сорвался было с места, но тут кто-то схватил его сзади за руку. Не задумываясь Мэрик развернулся и вонзил кинжал, подаренный сестрой Эйлис, в шею чернобородого солдата. Тот взревел от боли и неожиданности, пальцы его разжались, и, когда Мэрик выдернул кинжал, из раны фонтаном забила кровь. Чернобородый пошатнулся, безуспешно зажимая руками рану.

– Бегом! Быстро! – рявкнул Логейн.

Слома голову они промчались мимо нескольких палаток и нырнули в рощу на самом краю лагеря. Логейн и вслед за ним Мэрик продирались через густые заросли. Они выскочили к лагерю с другой стороны и резко свернули. Торопясь оставить за собой невнятный шум недалекого боя, беглецы проскочили мимо двоих солдат, которые выволакивали из палатки истошно вопящую женщину. Солдаты даже не заметили их, а когда Мэрик, испугавшись за участь женщины, замедлил было бег, Логейн снова бесцеремонно дернул его за собой. Мэрик без особой охоты подчинился.

Наперерез им выскочили еще двое солдат, но Логейн расправился с ними быстро и беспощадно. Во всем лагере царили смятение и хаос. За спиной раздавались душераздирающие вопли и топот бегущих во все стороны людей. Плакал навзрыд ребенок, кто-то звал на помощь, солдаты перекрикивались, преследуя убегающих. Всякий раз, когда Мэрик начинал отставать, Логейн неумолимо волок его за собой, и тогда все силы Мэрика уходили на то, чтобы не оскользнуться на раскисшей от дождя земле или мокрой траве. Наконец они добрались до края лагеря. В этом месте склон почти отвесно спускался в заросшую лесом долину и в Дикие земли Коркари, девственные чащи юга, где жили только дикари да смертоносные твари. Ни один человек, будучи в здравом рассудке, туда бы не сунулся.

– Почему мы остановились? – спросил Мэрик, обернувшись к Логейну. Он дрожал от холода под безжалостным напором дождя.

Логейн ничего не ответил, и принц, проследив за его взглядом, увидел сражающегося Гарета. Бой шел далеко от них, но пламя, пожирившее палатки, уже так разошлось, что фигура Гарета была хорошо видна даже через пелену дождя. Его окружали десятки солдат, взмахи меча становились все безнадежнее. Мэрик понимал, что надо не мешкать и, пользуясь возмож-

ностью, бежать без оглядки, но Логейн не двигался с места, зачарованно глядя на последний бой отца.

Дым пожара, силуэты мечущихся солдат, крики цепляющихся за жизнь ферелденцев... И над всем этим пронесся страшный и отчаянный крик, заставивший вздрогнуть каждого. Взлетел и оборвался – предсмертный крик Гарета.

Мэрик повернулся к Логейну, хотел что-то сказать – и промолчал. Лицо Логейна было каменным, глаза блестели. Вдруг он сорвался с места, схватил принца за куртку и ринулся вниз по склону.

– Не вздумай отстать, а то брошу здесь! – вполголоса прошипел Логейн.

И Мэрик не отставал.

Глава 3

В охваченном паникой сознании Мэрика картины бегства слились в одно размытое пятно, и, даже когда страх немного отпустил, определить в темной пелене дождя, где они находятся, оказалось нелегко. Ясно было только, что они далеко углубились в Дикие земли Коркари. Пока еще лес ничем не оправдал своей грозной репутации, но все-таки ничего подобного Мэрик в жизни не видел. Громадные деревья были искривлены так причудливо, словно навек застыли в тисках непереносимой боли, а у самой земли клубился вековечный ледяной туман. Один из наставников Мэрика рассказывал когда-то, что породило этот туман – нечто связанное со старинным преданием этих мест, – только Мэрик не мог припомнить ни единой подробности. Особенно теперь, когда все его силы уходили на то, чтобы не отставать от казавшегося двузильным Логейна. Час за часом продирались они сквозь густые заросли.

Наконец Мэрик обессиленно рухнул у корней упавшего дерева. Это был древний тополь с побелевшей от старости корой и стволом толщиной десять обхватов – и все же нашлась сила, которая выворотила его из земли. Гигантские корни извивались, точно змеи, и под ними на ложе из густого мха росли мелкие белые цветы.

Сверху сочился тусклый сумеречный свет, и сквозь редкие разрывы в лесном полог Мэрик не без труда различил затянутое тучами небо. Неужели они бежали всю ночь? Хорошо хоть буря стихла еще пару часов назад. Мэрик лежал, вдыхая тонкий аромат мха, обливаясь потом и хватая ртом воздух, и смутно радовался прохладному касанию тумана, мелкими каплями оседавшего на кожу.

– Что, совсем выдохся? – раздраженно бросил Логейн, который уже успел уйти вперед и теперь вернулся.

Мэрик подозревал, что его спутник вымотался ничуть не меньше, но готов был двигаться вперед, несмотря ни на что. Пот ручейками тек по его бледному лицу. И доспех, и меч весили куда больше, чем одежда Мэрика, но, несмотря на это, Логейн явно не намеревался устраивать передышку. Впрочем, Мэрику это было уже безразлично.

– Думаю, мы от них оторвались, – пробормотал он, с трудом переводя дыхание.

– Ты в этом уверен? – Логейн выхватил висевший у пояса кинжал и со злостью рубанул один из корней. – Ты же принц, верно? Ты важная шишка. За тобой гонится вся ферелденская армия. Может, по твоему следу в лес пустили свору мабари. Может, даже какой-нибудь маг уже высматривает тебя в хрустальном шаре. – Он шагнул туда, где валялся под сенью корней Мэрик, и в его холодных глазах вспыхнуло неприкрытое бешенство. – Ну как, чувствуете себя в безопасности, ваше высочество?

– Э-э-э... сейчас, сию минуту? Нет, не очень.

Логейн с омерзением фыркнул и отошел на несколько шагов. И остановился, неотрывно глядя в туман и кипя от злости.

– На самом деле, – веско проговорил он, – в Дикие земли они, конечно, не пойдут. Это безлюдный и опасный край. Сунуться сюда за нами может только законченный идиот. И только законченный безумец станет, как мы, укрываться здесь от погони.

– Меня это... успокаивает.

– Вот и славно. – Ровный голос Логейна похолодел. – Потому что дальше ты пойдешь сам.

– Ты просто бросишь меня?

– Я же вывел тебя из лагеря, верно? Ты здесь, живой – чего же больше?

Холодок пробежал по спине Мэрика, неприятно засосало под ложечкой.

– Думаешь, именно этого хотел твой отец?

Глаза Логейна расширились. В два стремительных шага он навис над Мэриком, рывком сдернул его с мягкого мха и швырнул на поросший древесными грибами ствол. Мэрик задох-

нулся, безуспешно хватая ртом воздух, а Логейн угрожающе занес кулак. И застыл, хотя по искаженному яростью лицу было видно, что ему очень хочется ударить.

– Не смей поминать отца! – прошипел он. – Это ты виноват в его смерти, ты! И нечего указывать мне, что делать! Мою жизнь ты рыцарским саном не купишь!

Мэрик судорожно закашлялся, пытаясь отдышаться.

– Думаешь, я добивался, чтобы так вышло? Я не хотел, чтобы твой отец погиб. Мне очень жаль...

Логейн на миг окаменел:

– Ах, тебе жаль? Тебе жаль?!

Мэрик увидел летящий ему в лицо кулак и зажмурился. Удар пришелся в подбородок. Рот наполнился железистым привкусом крови, и Мэрик обессиленно сполз на мох. Он был слишком измотан, чтобы оказать сопротивление.

– Как это здорово, что тебе жаль! – бесновался, возвышаясь над ним, Логейн. – У меня на глазах погиб отец, а с ним все, кого он поклялся защищать, но теперь, конечно, все в порядке, потому что я знаю, что тебе жаль!

Он оборвал себя, отступил на несколько шагов и замер, повернувшись спиной к Мэрику и крепко стискивая кулаки.

Принц задыхался, сплевывая слюну пополам с кровью. Нижняя челюсть ныла так, что, казалось, вот-вот отвалится. Стискивая зубы, глотая кровь, которая обильно сочилась из прокушенного языка, он с трудом сел.

– У меня на глазах, прямо передо мной, убили мать. И я ничего не мог сделать.

Логейн ни единым знаком не показал, что слышит его.

Обессиленный, дрожащий от слабости, Мэрик продолжал:

– Когда я наткнулся на вас в лесу, за мной гнались убийцы матери. Почему мне было знать, что вы не выдадите меня с потрохами, когда узнаете, кто я такой? Я хотел двинуться дальше в одиночку, но ты убедил меня пойти с вами. – Мэрик умоляюще вскинул руки. – Почему ты так поступил? Ты же знал, что за мной гонятся. Знал, что это опасно.

Логейн ничего не ответил. Он все так же стоял спиной к Мэрику и все это время был занят только тем, что рубил кинжалом низко свисавшие корни. То ли он вовсе не слушал принца, то ли о чем-то размышлял.

Наконец Мэрик осторожно, тыльной стороной ладони вытер рот. Кровотечение ослабло, хотя челюсть болела по-прежнему и в ушах стоял навязчивый звон. Не без труда юноша поднялся на ноги.

– Жаль я раньше не знал, что за человек твой отец, – продолжал он. – Он был готов пожертвовать жизнью, чтобы спасти меня. Почему? Он был замечательный человек – даже я сумел это понять. Вот почему я посвятил его в рыцари. – Глаза Мэрика предательски увлажнились, голос охрип. – Моя мать тоже была... замечательная. И вот что я тебе скажу: если б... если б у меня была возможность с ней попрощаться, я бы эту возможность не упустил.

Логейн не шелохнулся, даже не поглядел в его сторону.

Было очевидно, что никакими словами его не проймешь. Мэрик смахнул слезы с глаз и кивнул:

– Но я тебя понимаю. Я и не жду, что ты останешься и поможешь мне, правда не жду. Тебе нужно вернуться в лагерь, узнать, выжил ли кто-нибудь. Будь я на твоём месте, я бы тоже хотел вернуться к своим. Разве можно такое не понять? – Он стер с подбородка последние следы крови. – Так что спасибо, что спас меня.

С этими словами Мэрик одернул изорванную, насквозь промокшую куртку и пошел прочь. Сапоги у него те же, в которых он выехал с матерью на тайную встречу, – на взгляд Мэрика, вполне добротные. При нем кинжал, который дала ему сестра Эйлис, – стало быть, он не так уж и незащищен. Если повезет, он сумеет отыскать какую-нибудь тропку, которая

выведет из леса. Может быть, наткнется на торговый караван. Гномы же пользуются южными дорогами, направляясь в Гварен? Дело, конечно, рискованное, но все же лучше, чем ничего. Другого выхода сейчас все равно нет.

Логейн остался далеко позади. Мэрик из последних сил брел по непролазной чаще. Туман изрядно мешал; по большей части юноша просто не видел, куда ступает, он то и дело цеплялся за выпиравшие из земли корни либо оскальзывался в грязи. Наконец он срезал кинжалом нижнюю ветку какого-то дерева, чтобы в тумане ощупывать перед собой землю. Лес становился все гуще и мрачнее, и тогда Мэрик сообразил, что понятия не имеет, в каком направлении движется. Лесной полог почти напрочь заслонял небо.

Мэрик стоял в чаще леса, растерянно почесывая затылок, и вдруг услышал шаги. Он резко обернулся и увидел Логейна. Мэрик вынужден был признать, что никогда еще не испытывал такого ликования при виде другого человека. Сам Логейн при виде его явно не испытал радости. Свирепый взгляд льдисто-голубых глаз словно говорил: «Я об этом еще пожалею».

Мэрик ждал, когда юноша подойдет поближе. Тот пока что не сказал ни слова, только поморщился и, сняв с плеча лук, поправил висевший на спине полупустой колчан. Затем он снова глянул на Мэрика и, подняв палец, проговорил:

– Первое: язык у тебя подвешен как надо.

– Правда? Мне такого еще никогда не говорили.

Логейн пропустил его слова мимо ушей и поднял второй палец:

– Второе: вряд ли отец хотел спасти тебя от солдат только для того, чтобы ты как последний идиот сгинул в Диких землях, а именно это и случится без меня.

– Я справлюсь. Ты совершенно не обязан...

Логейн что-то невнятно буркнул и вдруг, выхватив из колчана стрелу, молниеносно выстрелил. Стрела свистнула справа от головы Мэрика. Тот в ошеломлении не знал, что и подумать. Он попятился было назад, но тут же отскочил, заметив, что на дереве у него за спиной что-то извивается. Стрела воткнулась примерно футом ниже головы толстой черной змеи, пригвоздив бешено извивавшуюся гадину к стволу.

Логейн шагнул к змее и, сняв с пояса кинжал, не без труда отрезал ей голову. Из обрубка хлынула струей ярко-алая кровь, и обезглавленное тело обмякло.

– Нам такие твари попадались и за пределами Коркари. «Бесшумные ползуны». Ядовитые, но на вкус ничего, если не принохиваться.

– Надо же!.. – сконфуженно пробормотал Мэрик.

– Итак, я намерен вывести тебя из Диких земель и доставить к мятежникам. – Логейн одарил Мэрика суровым взглядом. – После этого мы будем в расчете. Ясно?

– Да.

– И не смей меня благодарить. Мне никакой награды не нужно.

– Хорошо.

– И я не стану звать тебя «ваше высочество».

– Да уж, сделай одолжение.

Логейн насупился еще сильнее, словно в глубине души надеялся, что принц начнет возражать. Помедлив, он махнул рукой в ту сторону, куда и направлялся Мэрик.

– По крайней мере, ты шел в нужном направлении. Не иначе как чудесная случайность. Есть хочешь?

Мэрик с сомнением оглядел змеиную тушку, болтавшуюся в руке Логейна, но, прежде чем успел ответить, в животе недвусмысленно забурчало.

– Пойдем поищем что-нибудь посьедобнее змеи. И место для костра, пропади он пропадом.

С этими словами Логейн оттолкнул Мэрика плечом и зашагал вперед.

Три дня беглецы пробирались сквозь чащу Коркари. Шли они медленно – Логейн не хотел возвращаться назад, а вел Мэрика на запад. Вопреки собственным словам он вовсе не был уверен, что преследователи не сунутся в непроходимые леса. По меньшей мере, с них станется разместить засады на краю Диких земель.

Если, конечно, солдатам вообще известно, что беглецы направились именно сюда. Изгой разбежался из лагеря во все стороны, а из тех солдат, что столкнулись лицом к лицу с двумя беглецами, не выжил ни один. И тем не менее Логейн предпочитал ожидать худшего. Продираться по нехоженным чащобам было нелегко, но чем дальше они уйдут от холмов, у которых располагался лагерь, тем лучше.

Самой серьезной проблемой для них оказалось найти укрытие. К счастью, в лесу было полно поваленных старых деревьев. Порой попадались целые поляны поверженных лесных великанов, и Логейн поневоле задумывался, что за сила могла такое сотворить. Первым делом ему вспомнились рассказы о драконах, однако к югу от Недремлющего моря настоящие драконы не встречались уже давным-давно. Впрочем, кто поручится, что в Диких землях не найдутся и другие гигантские твари? Юноше доводилось слышать байки о кровожадных медведях величиной с дом и ограх – синекожих гигантах с рогами длиной в человеческую руку. Стоило бы отдельно возблагодарить Создателя и за то, что эти милые зверюшки пока не попадались на их пути.

Под поваленными деревьями можно было укрыться на ночь, к тому же первые две ночи обошлись без дождя. Логейн разводил огонь, а Мэрик спал рядом и во сне дрожал всем телом. Скромному костерку не под силу было надолго разогнать туман, а потому липкая ледяная влага оседала на кожу, просачивалась сквозь одежду. С каждым утром Мэрика все труднее было добудиться; он был бледен и непрерывно стучал зубами. По счастью, более серьезные опасности им пока не грозили.

Что до принца – Логейн очень быстро обнаружил, что его трудно ненавидеть. Он шел за Логейном, не отставая ни на шаг, и до сих пор ни разу не пожаловался – ни на холод, ни на усталость, ни на что-то еще. К тому же он делал все, что ему велели. Единственным недостатком этого парня была излишняя разговорчивость. Он болтал без умолку, все время находя какую-нибудь тему для милой светской беседы. То он восторгался великанскими размерами местных деревьев, то рассуждал о том, как далеко простерлись Дикие земли, или вспоминал легенды о хасиндах – варварских племенах, которые якобы живут в здешних лесах. Логейн безмолвно выслушивал этот неумолчный щебет, всей душой мечтая, чтобы его спутник наконец-то заткнулся. После второй ночи, проведенной в лесу, Мэрик и впрямь заметно притих – и тогда Логейн с отвращением обнаружил, что соскучился по его беспечной болтовне.

Вот уж кому, наверное, никогда не составляло труда обзавестись друзьями. Даже грязный и изможденный, Мэрик излучал естественное, непобедимое обаяние. Он был изнеженным сынком королевы, которой отец разве что не поклонялся как божеству, и Логейн всем сердцем хотел презирать его. Но на деле он не мог заново раздуть пламя холодной ярости. И это, наверное, было хуже всего.

На третью ночь пошел дождь. Замерзая без костра, Логейн и Мэрик скорчились под камнем, и дыхание их вырывалось облачками пара сквозь непрерывно стучащие зубы. В ту ночь появились волки. Осторожные хищники держались поодаль, набираясь духу для атаки. Несколько раз Логейн обращал их в бегство, выстрелив из лука, но волки неизменно возвращались. Но бесконечно так продолжаться не могло. Запас стрел у Логейна был невелик, смастерить новые он не мог, а потому старался быть экономным.

С наступлением утра волки решили, что в лесу найдется и менее бдительная добыча. Логейн устал, продрог до костей и перепугался не на шутку, обнаружив, что Мэрика бьет крупная дрожь и он никак не может проснуться. Принц был не просто бледен – он побелел как мел и, громко стуча зубами, лопотал бессвязную ерунду.

Логейн сложил костер, что само по себе было делом нелегким, поскольку дождь и туман пропитали сыростью почти все вокруг. Он копался в грудах валежника, добывая клочья сухого мха и мелкие сучья. А потом еще целую вечность возился с дымящимся, слабо тлеющим кострищем, клуя носом и отчаянно стараясь не задремать. Когда пламя наконец занялось, Логейн готов был заплясать от радости и дорого заплатил бы, чтобы только услышать, как Мэрик на разные лады вопрошает, каким это чудом ему удалось добыть огонь.

Он осторожно подкармливал пламя, подбрасывая понемножку обломки сырой древесины, клочки мха, мелкие веточки и сучья, а когда все это просыхало и занималось огнем, добавлял новую порцию топлива. Наконец он добился своего – костер запылал с бодрым треском, и тепла от него было гораздо больше, чем дыма. Тогда Логейн подтащил Мэрика к огню – близко, но так, чтобы тот случайно не обгорел, – и уселся рядом. Вскоре свет и тепло костра сделали свое дело: веки Логейна отяжелели и он погрузился в сон.

Проснувшись через несколько часов, Логейн обнаружил, что принц не только пришел в себя, но и присматривает за костром. Он был еще бледен и слаб, но выглядел заметно лучше. Мэрик кивнул спутнику, смущенно улыбнувшись в знак благодарности, но Логейн в ответ только насупился.

– Ты хотя бы представляешь, сколько мне пришлось с тобой возиться? – сердито осведомился он.

Мэрик потер ладони, зябко поежился.

– Я... э-э-э... безумно рад, что остался в живых. И что ты не бросил меня здесь умирать.

– Ты бы не успел замерзнуть. Волки сожрали бы тебя раньше.

– Да, это утешает.

Логейн встал и повернулся, чтобы уйти.

– Пойду поохочусь, пока есть возможность. Буду очень признателен, если ты в мое отсутствие не замерзнешь до смерти. Как по-твоему, справишься?

Он не стал дожидаться ответа и испытал тайное злорадство при виде обиженного лица Мэрика.

На четвертый день Логейн понял, что за ними следят.

Волки так и не вернулись, и это было странно. Какое-то время Логейн не мог отделаться от ощущения, что за ним наблюдают, а потом из зарослей донесся шорох. Кто бы там ни засел – а Логейн был свято уверен, что это не зверь, – следопыт он был явно искушенный. Сколько юноша ни всматривался в сумрак зарослей, заметить так ничего и не смог.

Он поднял руку, подав Мэрику знак притихнуть.

– Головой не верти, – прошептал он одними губами, – сдастся, мы здесь не одни.

К чести Мэрика, тот замер и не стал озираться по сторонам.

– Ты уверен?

– Знаешь, мало что еще можно расслышать, когда ты лопочешь над самым ухом.

– Я не лопочу!

– Да ну? Неудивительно, что ты едва не замерз насмерть, если у тебя все силы уходят на болтовню.

Во время этой пикировки они оба опасливо осматривались, стараясь делать это как можно незаметнее.

Мэрик едва различимым жестом указал налево. Логейн глянул туда, хотя и не верил, что его спутник вправду мог заметить что-то первым. И увидел, что прямо перед ними, в густом сумраке между двумя высокими деревьями, мерцают два ярких огонька – точь-в-точь кошачьи глаза в темноте.

Кошачьи? Эльфийские!

– Проклятие! – ругнулся Логейн, в панике на миг потеряв самообладание.

Одним движением он толкнул Мэрика на землю и сорвал с плеча лук. И уже пригнулся, чтобы нырнуть в укрытие, когда услышал смертоносный свист. Стрела вонзилась в плечо с такой силой, что он опрокинулся навзничь и застонал от боли.

– Логейн! – закричал Мэрик.

Вскочив, он бросился к распростертому на земле спутнику и вскрикнул, увидев стрелу, которая проткнула плечо юноши почти насквозь. Глаза Мэрика округлились от страха.

– Беги! – прохрипел Логейн, пытаясь одновременно ухватиться за древко стрелы и подняться на ноги. Поздно.

Эльфы один за другим возникали из окружавшего их сумрака. Все они были в кожаных охотничьих доспехах, и лица их были покрыты цветной татуировкой – символами языческих эльфийских божков. Их нечеловеческие глаза горели убийственным огнем. Одни эльфы держали наготове луки со стрелами, другие были вооружены янтарного цвета ножами из железного дерева.

Мэрик взмахнул кинжалом, но в этот миг на беглецов рухнула плотная сеть. И тут же эльфы скопом навалились, хватая их за руки, за ноги и что-то разъяренно крича на своем древнем языке. Логейн отбивался, шипя от боли – под тяжестью сети стрела все глубже входила в тело, – однако все его усилия были напрасны. Рядом безуспешно извивался Мэрик, затем раздался громкий глухой стук – и принц обмяк и осел на землю. Миг спустя на голову Логейна обрушилось что-то тяжелое – и наступила темнота.

Когда Логейн пришел в себя, голова у него раскалывалась от боли, а в лицо била тугая волна нестерпимого жара. Он слышал, как совсем близко ревет пламя большого, очень большого костра. Еще не открыв глаз, Логейн сумел определить, что сидит на земле, привалившись спиной к какому-то шесту, а руки его крепко связаны. Зажарить его собрались, что ли? Запечь на вертеле? Неужели эльфы балуются людоедством? Вряд ли – рану в плече обработали и перевязали. Что ж, по крайней мере, он наконец согрелся.

Логейн открыл глаза – и они тут же заслезились от яркого света.

Так и есть, его привязали перед огромным костром, а рядом валяется без сознания Мэрик. По ту сторону огня на лесной прогалине стояло кружком несколько длинных крытых фургонов. У каждого из них имелась мачта с треугольным парусом. Логейн никогда прежде не видел сухопутных кораблей.

Кое-что прояснялось. Это долийцы – кочевники, живущие кланами с тех незапамятных пор, когда было уничтожено эльфийское государство. Многие из них тогда склонились перед владичеством людей и стали жить в городах, стали гражданами второго сорта, однако долийцы отвергли такую участь. Они бежали и по сей день жили замкнуто, враждебно относясь ко всем без исключения чужакам. Долийские эльфы поклонялись странным богам и кочевали в самых отдаленных, безлюдных местах, в глухих лесах – и беда незадачливым путникам, которые ненадолго наткнутся на них!

Логейн понятия не имел, насколько правдивы все эти истории, он сам впервые видел долийцев так близко, однако засада, которую устроили эльфы, говорила сама за себя.

Жар от костра был так невыносим, что кожа на щеках, казалось, вот-вот лопнет. Лицо саднило, по щеке ползла густая липкая струйка – рана на голове до сих пор кровоточила. С ароматом жареного мяса смешивался другой приторный запах... жасмина? За пеленой дыма Логейн разглядел нескольких эльфов. Одежда на них была самого простого покроя и разных цветов, в основном красного, синего и золотистого. Эльфы ели из деревянных мисок, изредка поглядывая на людей.

Мэрик, валявшийся на земле, шевельнулся и страдальчески застонал. Наконец он не без труда приоткрыл один глаз.

– Дыхание Создателя! – прохрипел принц и сразу же надрывно закашлялся.

– Полегче, – предостерег Логейн.

– Мне уже до чертиков надоело получать удары по голове.

– Скажи об этом долийцам. Может, они примут твою жалобу к сведению.

Мэрик сел, сощурился, глядя сквозь дымное пламя.

– Они так называются – долийцы? Я все гадал, почему у них так разрисованы лица.

– Ты ничего о них не знаешь?

– Ну... – Мэрик пожал плечами. – Так вышло, что я был занят изучением совсем другого предмета.

– Это какого же?

– Как угодить в плен к шайке изгоев – какого же еще?

Логейн хихикнул:

– Думаю, этот предмет ты уже выучил на отлично.

Долийцы прислушивались к их разговору. Еще несколько эльфов вышли из темноты и, остановившись у сухопутных кораблей, откровенно разглядывали чужаков. Вид у них был недружелюбный и подозрительный, если не сказать – неприкрыто враждебный. Что они все-таки задумали? Логейн чувствовал себя заморским зверем устрашающего вида, к которому зеваки опасаются подойти вплотную.

Мэрик принялся, и его передернуло от отвращения.

– Чем это так пахнет? Жасмином?

– Все может быть.

– Что эти эльфы с ним делают? Набивают в самокрутки и курят?

Он опять втянул носом воздух и закашлялся так, что Логейн ткнул его локтем в бок, – им сейчас только и не хватало взбесить кочевников, нечаянно посмеявшись над каким-нибудь эльфийским обычаем. Долийцы и так не особенно жалуют людей.

Логейн принялся напрягать мышцы, проверяя на прочность веревки, но остановился, заметив, что зрителей в толпе прибавилось. Теперь к ним присоединились охотники, снаряженные точно так же, как те, кто схватил беглецов, – легкие доспехи темной кожи и длинные ножи из коры железного дерева. Логейну уже доводилось видеть такой кинжал. С ним заявился в лагерь изгоев Лодырь, утверждавший, что когда-то выменял клинок у двух охотников. Украл, скорее всего. В конце концов Лодырь продал его, причем за солидную сумму. Одни только долийцы умели правильно обрабатывать железную кору – клинки из нее получались тверже стали, но намного легче.

– Эй, послушайте! – крикнул вдруг Мэрик, обводя взглядом эльфов. – Кто-нибудь из вас может с нами поговорить? Эй!

– Заткнись! – одернул его Логейн.

– А что такого? Я же только спросил.

– Не будь дураком.

В эту минуту из толпы безмолвных зрителей вышел новый персонаж – молодой эльф с длинными каштановыми волосами. Узоры на его мантии были куда сложнее, чем татуировки у других эльфов, а поверх одежды он, в отличие от соплеменников, набросил тяжелый кожаный плащ. Кроме того, Логейн заметил на шее у этого эльфа амулет. Деревяшка, отполированная до блеска, была изрезана замысловатыми рунами, и казалось, что они пляшут как живые под самой поверхностью амулета. Магия! При одной этой мысли Логейна пробрал озноб.

Молодой эльф направился к ним и, перехватив взгляд Логейна, улыбнулся. Подойдя к Логейну и Мэрику, он присел на корточки, и это вышло так непринужденно, почти přátельски.

– Этот амулет подарил мне наш Хранитель, – пояснил он бегло и без малейшего акцента.

– Ты знаешь наш язык? – уточнил Логейн, намеренно не заметив торжествующего взгляда, который метнул в него Мэрик.

– Ваш язык знают почти все из нас, но хорошо им владеют только те, кто ходит торговать с чужаками. – Эльф держался доброжелательно, и в глазах его, не в пример остальным, светилось искреннее сострадание. – А между собой мы стараемся говорить только на родном наречии, чтобы сохранить его, как сохраняем своих богов. – Он наклонил голову к плечу, всем своим видом выражая любопытство. – Как вы здесь оказались?

– Разве ты забыл? – удивился Мэрик. – Вы же сами на нас напали.

– Вы чужаки. Вы подошли слишком близко к нашему лагерю.

– Мы понятия не имели, что здесь ваш лагерь, – осторожно заметил Логейн.

– Вот как! – Эльф покивал, но на лице его мелькнула тень разочарования. – Стало быть, вы из тех, кто бежал сюда с холмов?

– С холмов? – встрепнулся Логейн, потеряв осторожность. – Вы встречали и других беглецов? Давно это было?

Прежде чем ответить, эльф с минуту пристально и бесстрастно глядел на Логейна своими лиловыми глазами:

– Этот человек был один. Наши охотники перехватили его далеко отсюда.

– Где он сейчас?

– Мне придется отвести вас к нему, – с опечаленным вздохом ответил эльф.

Он поднялся и повернулся к стоявшим поблизости соплеменникам. Учтивым тоном отдал какие-то распоряжения, показывая при этом то на пленников, то куда-то в сторону от лагеря. Прочие долильцы переглянулись – предстоящее явно было им не по душе.

– Сожалею, – сказал молодой эльф, – но нам придется увести вас, так же как его. Прошу вас, не надо сопротивляться.

Судя по тону, он считал, что пленники и впрямь на это способны.

Мэрик озирался по сторонам, вид у него был смятенный. Едва с него сняли путы, он вытянул руки и принялся осторожно растирать запястья.

– Куда, собственно, вы нас поведете?

– К *аша'беланнар*, Женщине Многих Лет, – ответил эльф. – Люди, которые живут в этих лесах, называют ее Введьмой из Диких земель.

Логейна передернуло. Введьма?.. Случалось, что маги бежали из-под власти Церкви, не желая мириться с вечным заточением. Таких именовали отступниками, и Церковь посылала по их следу храмовников – вернуть беглеца в башню Круга или просто убить. Чаще, насколько знал Логейн, храмовники выбирали второе, а потому беглые маги жили в вечном страхе. В лагерь изгоев тоже как-то явился один маг – тощий парень, которого отец Логейна, не желая связываться с храмовниками, прогнал.

Эта введьма – отступница, что скрывается в Диких землях Коркари и настолько страшится разоблачения, что убивает всякого, кто явится в эти леса из внешнего мира? Такое было вполне возможно. Но на краю сознания вертелась легенда – старинное предание об этих местах, которое Логейну никак не удавалось вспомнить. И от мысли, что введьма может оказаться похуже беглого мага, ему становилось не по себе.

У Мэрика вертелась на языке добрая сотня вопросов, но под властным взглядом молодого эльфа присмирел даже он. Долильцы смертельно боялись Женщины Многих Лет, и это обстоятельство тревожило Логейна сильнее всего.

Посмотреть, как уведут пленников, собралось все племя. Эльфы с недобрый любопытством глазели на Логейна и Мэрика, перешептывались на своем чудном языке. Кое-кто сплевывал на землю, когда пленников проводили мимо; перепуганных детишек старательно отгоняли прочь. Логейн чувствовал себя приговоренным к смертной казни. Вполне вероятно, он был недалек от истины.

Несколько часов шли они, не останавливаясь, по лесу, и кочевники, сопровождавшие пленников, все это время оставались угрюмы и неразговорчивы, не желали отвечать даже на самые невинные вопросы. Молодой долиец в разукрашенной узорами мантии так и не соизволил назвать свое имя, зато всякий раз, когда Мэрик и Логейн отставали от прочих, оглядывался с явным раздражением. Эльфов, похоже, заботило только одно – поскорее добраться до места.

В самой чаще, где белесый туман сгустился в почти непроницаемую завесу, куда редко заглядывало солнце, стояла неказистая на вид и изрядно обветшавшая хижина, крытая хворостом и пластами бурого мха, и со всех сторон ее стены густо оплетал черный плющ. Куда более внушительное зрелище представляли собой протянутые вдоль тропы веревки с черепами – крысиными, волчьими и других животных, которых Логейн не сумел распознать, – увязанными вперемешку с перьями, сучками и засохшей грязью. Веревки зловеще покачивались, безмолвно возглашая единоличное право своего владельца на эту землю. Наверное, здесь не обошлось без колдовства, потому что Логейну чудилось, словно нечто ползет вверх по плечам, забираясь на затылок. А туман струился так, будто манил, зазывал их идти вперед.

Молодой эльф в узорчатой мантии остановился и указал на хижину:

– Вам туда.

– Что с нами будет? – спросил Мэрик.

– Этого я не могу сказать.

Логейн помедлил. Тревога усилилась, когда он заметил, что кое-где в диковинные веревки вплетены и человеческие черепа. Оглянувшись, он учтиво наклонил голову, молодой эльф ответил тем же:

– *Дарет ширал.* Желаю тебе и твоему другу удачи.

Судя по голосу, он не был уверен, что это пожелание поможет. Эльф и двое его спутников повернулись и растаяли в лесу, бросив Логейна и Мэрика в туманном сумраке. После недавних дождей лесные запахи были особенно остры и свежи, и высоко над головой в кронах деревьев возбужденным хором заливались птицы.

– Может, уйдем? – неуверенно спросил Мэрик.

Логейн сомневался, что из этого выйдет толк.

– Поглядим, что за Ведьма из Диких земель, – пробормотал он, махнув рукой в сторону хижины.

Мэрик покосился на него как на сумасшедшего, но смолчал.

Они шли по тропе, и казалось, что с каждым шагом вокруг становится все темнее. Все более зловеще высились над головой громадные деревья, и струился, извиваясь в причудливом танце, туман. Или то был обман зрения? Перед самой хижинкой стояло небольшое ветхое кресло-качалка, а рядом виднелось кострище, в котором, судя по виду, давно уже не разводили огонь. По краям кострища аккуратными стопками были сложены мелкие заплесневелые кости.

– Да это же... – Голос Мэрика оборвался от ужаса, и Логейн, проследив за его взглядом, посмотрел вверх.

На дереве висел труп человека, белесый и влажный, точно рыбе брюхо. Подвешенный за руки и шею, мертвец болтался в пустоте, как сломанная марионетка. Вокруг него гудели мухи, и в воздухе стоял запах гниющего мяса. Никаких ран на теле видно не было, но человек явно умер уже давно. Лицо покойника чудовищно распухло, глаза вылезли из орбит, но все же Логейн сразу понял, кто перед ним.

– Дэннон? – прошептал Мэрик.

Логейн кивнул. Чуть поодаль болтались и другие мертвецы. Эти по большей части давно уже превратились в скелеты, и к обнажившимся костям лишь кое-где прилипли клочки волос или полусгнившей ткани.

– Вижу, вы уже познакомились с моим последним трофеем, – прозвучал незнакомый голос.

Из-за деревьев вышла, ковыляя, дряхлая скрюченная старуха. Копна седых волос и балахон из темной кожи, щедро отделанный черным мехом, придавали ей вид самой настоящей ведьмы. На плечи женщины был наброшен тяжелый, подбитый лисьим мехом плащ – на диво щегольской и ладно сшитый. Старуха несла в руке корзину с крупными желудями и еще какими-то штуками, завернутыми в лоскутья красной ткани. Этой корзиной она с рассеянным видом помахала в сторону Дэннона.

– Он даже имени своего назвать не соизволил, дурачок этакий. А ведь я предупреждала, когда он начал вопить во все горло... – Старуха остановилась, окинула испытующим взглядом Мэрика и Логейна, которые так и глазели на нее разинув рот. – По счастью, вы оба на вид не из таких. Вот и славно! Так-то попроще будет.

Старуха засмеялась-закудаhtала, отчего все это еще больше стало походить на дурной сон. Логейн пожалел, что эльфы не оставили ему хотя бы кинжал. Не дожидаясь Мэрика и Логейна, старуха направилась к хижине и с утомленным вздохом уселась в кресло-качалку.

– Да идите же сюда! – буркнула она, поставив корзину на землю.

Логейн нехотя подошел ближе, принц не отставал от него.

– Это ты убила Дэннона? – недоверчиво спросил он.

– Разве я так сказала? – хихикнула старуха. – Нет, по правде говоря, не думаю, что это я его убила. Если хочешь знать правду, так он сам убил себя.

– Колдовство! – прошипел Логейн.

Старуха опять разразилась веселым кудахтаньем, но не сказала ни слова.

– Кто ты такая? – спросил Мэрик.

– Мне наплевать, кто она такая! – отрезал Логейн. – Я не потерплю, чтобы со мной так забавлялись.

Он с угрожающим видом шагнул к старухе. Та сощурила подслеповатые глазки, но не сказала ни слова.

– Я требую, – сказал Логейн, – чтобы ты нас отпустила.

– Требуешь? – переспросила старуха, явно впечатленная таким оборотом.

– Э-э-э... Логейн... – предостерегающе проговорил Мэрик.

Логейн поднял руку, жестом веля ему не двигаться с места. И шагнул ближе, нависнув над ведьмой, которая так и сидела в кресле-качалке.

– Да, требую, – повторил он. – Меня магией не впечатлишь. Чтобы сотворить заклинание, нужно время, а я сверну тебе шею прежде, чем шевельнешь хоть пальцем.

Старуха ухмыльнулась во весь рот, блеснув крепкими зубами:

– А кто сказал, что шевелить хоть чем-то буду я?

Логейн услышал, как за спиной ахнул Мэрик, но успел только обернуться и увидеть: одно из деревьев молниеносно рванулось к нему. Громадные ветви обхватили его, точно руки, и вздернули вверх. Со всех сторон затрепетали листья, злобно загудели мухи. Логейн отбивался, кричал, но все без толку. Дерево выпрямилось, отступило к своим собратьям, и Логейн обнаружил, что болтается всего в двух шагах от раздувшегося трупа Дэннона. В ужасе он хотел что-то крикнуть Мэрику, но мелкие веточки тотчас оплели его рот и сжали мертвой хваткой голову.

Съежившись, Мэрик широко открытыми глазами смотрел на попавшего в ловушку Логейна. Сердце его неистово стучало. Все случилось настолько быстро... и как только гигантское дерево могло двигаться, да еще так проворно? Охваченный ужасом, он оглянулся на ведьму, но та лишь неспешно покачивалась в кресле, взирая на Мэрика со смутным раздражением.

– Ну что, будешь следующим? – осведомилась она.

– Н-нет... надеюсь, что нет.

– Мудрое решение.

Чувствуя, как по лбу текут струйки пота, Мэрик откашлялся и осторожно опустился на одно колено.

– Госпожа, я умоляю вас простить горячность моего спутника. – Он говорил тихо, но старуха слушала внимательно и, кажется, с удовольствием. – Мы несколько дней бежали от погони, и, после того как на нас напали долильцы, мы ожидали только нового нападения. Простите нас.

С этими словами Мэрик склонил голову, изо всех сил стараясь припомнить уроки светских манер, которыми так долго и усердно мучила его мать. Он ни в грош не ставил эти занятия, считая, что в жизни они ему никогда не пригодятся.

Старуха визгливо рассмеялась:

– Учтивость? Силы небесные, вот уж чего не ожидала! – Мэрик поднял глаза и увидел, что ведьма ухмыляется ему. – Однако же правда в том, молодой человек, что ты понятия не имеешь, какую участь я уготовила для тебя и твоего друга. Вдруг я замыслила отдать вас обоим сильванам, как уже отдала вашего приятеля? Как по-твоему, такое возможно?

– Да, возможно.

– Да, – размеренно повторила она, – возможно...

Ведьма махнула морщинистой старческой ладонью в сторону дерева – и ветви лесного великана сами собой расплелись. Логейн с глухим стуком шлепнулся на землю, но тут же вскочил. Мэрик предостерегающе вскинул руку, и Логейн фыркнул, словно намекая, что он хотя и зол как черт, но не дурак.

– Итак, это ты, – проговорила ведьма, испытующе разглядывая Мэрика и одобрительно кивая. – Я знала, что ты здесь появишься, знала, каким образом, – не знала только, когда именно. – Она резко, грубо хохотнула и ударила себя ладонями по коленям. – Разве не диво, до чего своенравна бывает магия, когда выдает какие-то сведения? Это все равно что спрашивать кошку – считай, повезло, если она хотя бы укажет верное направление!

И старуха зашлась от хохота, упиваясь собственной шуткой.

Мэрик и Логейн непонимающе уставились на нее. Хохот ведьмы постепенно затих, перешел в глубокий вздох.

– А ты как думал? – спросила она. – Что король Ферелдена пройдет через Дикие земли и его никто-никто не заметит?

Мэрик нервно облизнул губы:

– Полагаю, ты имеешь в виду законного короля Ферелдена.

– Точно! Если бы орлесианцу, который восседает на твоём троне, вздумалось в одиночку побегать по Коркари, я бы с радостью заграбастала его, а не тебя! Но поскольку этого не случилось, думаю, и ты сойдешь. Верно ведь?

– Э-э-э... да, пожалуй.

Ведьма запустила руку в корзину, которая стояла у ее ног, выудила оттуда большое блестящее яблоко – спелое, круглое, краснобокое – и с явным удовольствием впицась в него зубами.

– А теперь... – продолжала она, с хрустом жуя, – я должна извиниться, если эльфы действовали чересчур ретиво. – Старуха слизнула с губ брызги яблочного сока. – Ну да каждый делает что может.

Мэрик тщательно обдумал слова:

– Значит, эльфы схватили нас не случайно?

– Надо же, какой умница!

– Кто ты? – почти беззвучно спросил Мэрик.

– Отступница, магичка, которая прячется от гончих псов Церкви, – непреклонно отозвался Логейн. – С чего бы иначе ей торчать в этих дебрях?

Ведьма выразительно закатила глаза к небу и хихикнула:

– В потаенных уголках Ферелдена таится немало такого, о чем вы и не подозреваете. – Она глянула в упор на Логейна, и взгляд ее неожиданно стал пронзительным. – Только я жила в этих краях задолго до того, как появилась эта твоя Церковь.

– Это не моя Церковь! – огрызнулся он.

– Что до твоего вопроса... – Ведьма вновь перевела взгляд на Мэрика. – Разве эльфы не сказали тебе, как меня зовут? У меня много имен, и это ничем не хуже других.

– Тогда зачем я тебе понадобился?

Ведьма шумно вгрызлась в красный бок яблока и, задумчиво жуя, откинулась на спинку кресла.

– Зачем подданному искать встречи со своим повелителем?

– Тебе что-то от меня нужно? – Мэрик беспомощно пожал плечами. – В таком случае тебе скорее следовало бы обратиться к моей матери. У меня ничего нет.

– Судьба переменчива. – Взгляд ведьмы устремился вдаль. – Вот ты влюблен, так глубоко влюблен, что и помыслить не можешь о том, что может случиться что-то дурное. И вдруг тебя предали. Вырвали у тебя сердце, и ты клянешься пойти на все – на все, – только бы те, кто в этом виноват, заплатили. – Ведьма перевела взгляд на Мэрика, и голос ее зазвучал негромко, почти ласково. – Порой месть изменяет лицо мира. На что же способна твоя месть, молодой человек?

Мэрик ничего не ответил, только неуверенно смотрел на нее.

Логейн яростно шагнул вперед:

– Оставь его в покое!

Ведьма повернулась к нему, и в ее глазах мелькнуло удовольствие.

– А что скажешь ты о своей мести? В тебе накопилось довольно гнева, перекованного в меч из отменной стали. Хотела бы я знать, в чье сердце ты когда-нибудь вонзишь этот клинок?

– Мы с Мэриком не друзья, – проворчал Логейн, – но я не желаю его смерти.

Ведьма невесело хохотнула:

– О, ты прекрасно знаешь, о чем я говорю.

Логейн побледнел, но почти сразу взял себя в руки.

– Это теперь уже не важно, – ровным голосом проговорил он.

– Вот как? Значит, ты их простил? Ты забыл, как она кричала, когда ее прижали к земле? Как хохотали солдаты, когда оттащили тебя и заставили смотреть на все это? Как твой отец...

– Заткнись! – крикнул Логейн, и ужаса в его крике было ничуть не меньше, чем ярости.

Мэрик, остолбенев, глядел, как Логейн рванулся к ведьме с таким видом, словно хотел удушить ее собственными руками. И рывком замер, не дотянувшись до нее, изо всей силы стиснул кулаки, борясь с собственным порывом. Деревья вокруг хижины поскрипывали в предвкушении, словно сжатые до отказа пружины. Ведьма лишь покачивалась в кресле и в упор, молча глядела на Логейна, не проявляя и тени беспокойства.

– Ты слишком много видишь, старуха, – пробормотал он.

– Ровно столько, сколько нужно, – сухо отозвалась она.

– Прошу тебя. – Мэрик шагнул вперед. – Скажи, чего ты хочешь.

Старуха с минуту испытующе молчала, глядя на принца, потом доела яблоко и бросила огрызок за спину. В тот же миг что-то длинное и белесое выскользнуло из сумрака и ловко схватило его. Листья скрывали это существо почти целиком, но Мэрику показалось, что это вовсе не змея.

– Ты, молодой человек, должен быть мне благодарен, – вкрадчиво проговорила ведьма. – Что, по-твоему, могло бы приключиться с тем, кто, как ты, безоглядно убежал в Дикие земли? Ты мог бы угодить в руки хасиндов, тебя убили бы долиицы или сожрала бы одна из тех тварей, которыми кишат местные ущелья. Ужели ты и вправду думаешь, что этот изгой сумел бы уберечь тебя от всех напастей?

– Не знаю. Может, и сумел бы.

Ведьма глянула на Логейна, выразительно изогнув бровь:

– А он высокого мнения о твоих способностях, верно?

Логейн промолчал, и она снова впилась взглядом в Мэрика:

– Оставь его при себе – и он будет тебя предавать. С каждым разом все горше.

На Мэрика эти слова не произвели никакого впечатления.

– Так ты заманила меня сюда, чтобы загадывать загадки?

– Нет-нет, – рассеянно отмахнулась старуха. – Чтобы спасти.

Принц уставился на нее, не веря собственным ушам. Пожалуй, ничто из речей старухи не могло бы поразить его больше, чем эти слова. Ну разве что она призналась бы, что сделана из сыра. И все равно «чтобы спасти» уверенно заняло бы второе место.

– Я, можно сказать, перехватила тебя на самом краю пропасти, – продолжала она, – и теперь собираюсь помочь выбраться отсюда. Целым и невредимым.

С этими словами ведьма откинулась в кресле, чрезвычайно довольная собой.

– И чего ты хочешь взамен за эту помощь? – резко спросил Логейн.

– Обещание, – улыбнулась старуха. – Обещание, которое король даст мне с глаза на глаз и позднее никому о нем не расскажет.

Мэрик ошеломленно моргнул, но Логейн шагнул вперед:

– А если он откажется?

Ведьма жестом указала на окружавший их лес:

– Тогда вы вольны уйти куда глаза глядят.

Логейн повернулся к Мэрику. Что он думает обо всем этом, можно было понять и без слов. Магам нельзя доверять, а этой старухе – в особенности. Логейн, вполне вероятно, считал, что ведьма может отпустить их, даже если Мэрик откажется выполнить ее просьбу, – и тогда они попробуют выбраться из дебрей. Возможно, им даже удастся вернуть оружие, отобранное долейцами. В конце концов, тот молодой эльф, который привел их сюда, с виду не такой уж безнадежный фанатик. Может, они сумеют что-нибудь выменять у кочевников – одеяла, к примеру, плащи...

Высоко над головой в кронах посвистывал ветер. Мэрику на миг показалось, что деревья приплясывают в такт его свисту, – очень уж похожи на танец были движения веток. Беспокойные растения пляшут под музыку ветра, а они двое стоят в тишине и сумраке перед старой ведьмой. Мэрик посмотрел на Логейна, взглядом прося помощи, но отклика не дождался. Продрогшие, избитые, обессиленные, в самом сердце Диких земель Коркари – как еще они могут поступить?

– Я согласен, – сказал Мэрик.

Глава 4

Логейн и Мэрик заночевали под открытым небом, возле ведьминой хижины, у костра, который, стоило старухе топнуть ногой, разгорелся вовсю. И горел всю ночь, хотя Логейн так и не сумел разобрать, чем именно питался огонь. Не иначе как магия, заключил он и решил, что об этом лучше не задумываться. Ему вообще не хотелось думать. Особенно о том, что трупы, висящие на деревьях, исподтишка подглядывают за живыми. А еще о том, что деревья, окружавшие хижину, все время перемещаются с места на место.

Утром оказалось, что тропа, по которой Логейн и Мэрик пришли сюда, теперь ведет в совершенно другом направлении.

Не хотелось юноше думать и о том, какое именно обещание ведьма вытянула из Мэрика. Тот ушел в старухину хижину и пробыл там несколько часов – так долго, что Логейна охватило нешуточное беспокойство. Он как раз пытался разглядеть, что творится внутри избушки, через единственное окошко, грязное и закопченное, когда Мэрик наконец вышел наружу. Один. Был он притихший, явно потрясенный до глубины души и на все попытки Логейна как бы невзначай что-нибудь выпытать упорно отмалчивался. Было ясно, что тайна так и останется тайной.

Ведьма больше не появилась, так что Логейн и Мэрик спали на опавших листьях у костра. Вернее, спал только Мэрик. Логейн лежал с открытыми глазами, наблюдая за игрой теней и пристально вглядываясь туда, где в темноте покачивалось тело Дэннона. Интересно, когда именно Дэннон бежал из лагеря изгоев – до появления солдат или во время нападения? Наконец Логейн встал, подошел к дереву и вгляделся в мертвое опухшее лицо. Потом ухватился за труп и с силой потянул его вниз, пытаясь выволить из цепкой хватки ветвей. Тело Дэннона грянулось оземь с глухим чмокающим звуком, и от него хлынула тошнотворная вонь разложения. Логейн обеими руками нагреб побольше мха, опавших листьев, камешков и соорудил небольшую надгробную насыпь. Не сказать, что это была подобающая могила. Юноша сам не знал, почему так поступил, – просто чувствовал, что так надо.

Вернувшись к костру, он наконец-то впал в беспокойное забытие, в котором не было снов – лишь мелькали обрывки жутких видений. В полудреме ему почудились шаги, он встрепнулся и обнаружил, что уже наступило утро. Сквозь кроны деревьев проникали тонкие лучики солнечного света, а от костра опять остались одни головешки. Все их раны, ушибы и ссадины чудесным образом исцелились, а рядом были сложены дорожные припасы – два плаща, оружие, отнятое долийцами, и мешок, в котором лежали ломтики хлеба, ягоды, полоски вяленого мяса и блестящее краснобокое яблоко.

Хижина оказалась совершенно пуста – только пыль да труха по углам, словно здесь уже много лет не бывало ни единой живой души. Мэрик и Логейн обшарили все вокруг, но от ведьмы не осталось и следа. А еще исчезла импровизированная могила. Похоже, теперь они вольны были уйти.

На то, чтобы выбраться из Диких земель, ушло четыре дня. Ведьма сказала Мэрику, что они отыщут нужную дорогу, как только отойдут от ее хижины. И верно, не прошло и часа, как впереди на дереве зачирикала синешейка. Ее появление здесь казалось настолько неуместным и пела она так сладко, что беглецы не могли не обратить на нее внимание. Едва они подошли ближе, птица перепорхнула на соседнее дерево, и так продолжалось, пока Логейн не сообразил, что им указывают дорогу. Тогда они уверенно двинулись следом. Когда синешейка появилась и на следующее утро, сомнений уже не осталось.

Погода по большей части была благосклонна к путникам – дождь лил только в первую ночь, а остальные ночи были прохладными, но сухими. К Мэрику очень скоро вернулась прежняя говорливость. Логейн грозился отобрать у него плащ – вот продрогнет как следует, авось опять примолкнет, – однако сам сознавал, что болтовня Мэрика его больше не раздражает.

Притворяясь безразличным, он исподтишка прислушивался к рассказам спутника обо всем на свете.

Логейн совершенно точно знал, что они идут по тем местам, где хозяйничают долильцы. Не единожды он мог бы поклясться, что чувствует чужой взгляд, но никого в глубине леса не заметил. Эльфы очень хорошо умели прятаться от посторонних глаз, во всяком случае эти эльфы.

Ничего непредвиденного с беглецами больше не приключалось, хотя на третью ночь они вышли к древним, поросшим мхом и травой развалинам. Зрелище было необычное: высоченные каменные арки выгибались, точно исполинские ребра. По всей видимости, когда-то они служили опорой громадному своду. Часть фундамента и длинная каменная лестница уцелели, хотя изрядно растрескались и под напором неумолимой зелени готовы были вот-вот рассыпаться. Мэрик при виде всего этого пришел в благоговейный восторг и довольно долго осматривал и обшаривал руины. Он нашел остатки алтаря, украшенного резьбой, которая, вероятно, когда-то изображала драконью голову. Теперь линии почти стерлись, но принц каким-то образом видел, где могли быть глаза и зубы, и водил по ним пальцем. Вне себя от восторга, он рассказал Логейну, что это, скорее всего, храм древней империи Тевинтер, возведенный в те времена, когда ее армии вторглись в южные земли и вели затяжную войну с варварскими племенами. То, что этот храм, пусть и разрушенный, сохранился до нынешних времен, производило на Мэрика глубокое впечатление. Логейн знал об империи Тевинтер только то, что когда-то там правили колдуны, а он решительно не хотел больше иметь дело с магией. Ему действовала на нервы сама мысль о том, чтобы заночевать в руинах языческого храма, и, хотя Мэрик посмеивался над его суеверностью, он не стал возражать, и беглецы двинулись дальше.

Вскоре им опять встретились волки. Тогда Логейн впервые стал склоняться к мысли, что ведьма использовала могучие чары не только для того, чтобы послать им птицу-проводника. Он стоял с нацеленным луком, следя за каждым движением животных, а рядом, затаив дыхание, замер Мэрик. Стая, однако, держалась на почтительном расстоянии и, хотя не сводила глаз с беглецов, нападать явно не собиралась. Тогда Логейн и Мэрик осторожно двинулись через лес, а десятка два крупных волков сидели и молча смотрели им вслед. Когда хищники скрылись из виду, Логейн шумно выдохнул. Потом он объявил, что, пока жив, не желает больше связываться ни с какой магией, – и Мэрик вполголоса поддержал его.

К середине четвертого дня пути окружающий лес настолько поредел, что Логейн убежденно заявил: они, дескать, покинули Дикие земли Коркари. Он считал, хотя и не знал наверняка, что синешейка вела их на запад – именно в том направлении, которое сам Логейн выбрал изначально. Значит, они находятся довольно далеко от Лотеринга, в нагорьях на западе Внутренних земель. И в самом деле, почва под ногами становилась все более каменистой, а вдалеке проступали величественные очертания Морозных гор. Приятно было снова увидеть горизонт. Долгое пребывание в лесных дебрях, промозглых и туманных, могло кого угодно свести с ума.

Когда зашло солнце, синешейка исчезла.

– Как думаешь, она еще вернется? – спросил Мэрик.

– А мне почему знать?

– Но это же ты у нас знаток чародейства и волшебства?

Логейн фыркнул:

– Птица вывела нас из Диких земель. Ее дело сделано. – Он нетерпеливо глянул на принца. – Трудно будет найти эту вашу мятежную армию? Надежно ее не спрячешь, не иголка все-таки.

– Все эти годы мы ухитрялись избегать прямого столкновения с узурпатором, так что понятия не имею.

Мэрик вскочил на ближайший валун и окинул взглядом нагорья. Закат расписал небо сочными красками – оранжевой и алой.

– Думаю, они и в самом деле могут быть где-то неподалеку. Если бы ты раньше спросил, где мы стали лагерем, я бы ответил – к западу от Лотеринга. Стало быть, здесь?

– Замечательно.

Логейн выбрал для стоянки небольшую прогалину и отправил Мэрика за хворостом. Теперь, когда они выбрались из векового тумана, развести приличный костер было куда проще, однако Логейн знал, что огонь будет замечен издалека, особенно в нагорьях. Вполне вероятно, что преследователи Мэрика ищут его до сих пор – даже здесь, в этих местах. Почему знать, вдруг то, что Логейн говорил про магов, которые высматривают Мэрика в хрустальном шаре, чистая правда? Быть может, эти маги следят за каждым, кто выйдет из леса, – и что тогда?

Костер уже понемногу разгорался. «Что ж, – подумал Логейн, – придется рискнуть». Если он станет принимать в расчет еще и магию, то в конце концов рехнется.

– Я снова видел волков, – объявил Мэрик, вернувшись с охапкой хвороста.

– И что? Они вели себя враждебно?

– Они на меня не напали, если ты это имеешь в виду. Но собирались.

– Они сами тебе это сказали?

– По сути, да. Послали кролика с запиской, в которой сообщали о своих намерениях. – Мэрик бесцеремонно швырнул свою поклажу у костра. – Я подумал, что это довольно мило с их стороны.

Логейн промолчал, и Мэрик, усевшись на траву, уставился в темнеющее небо.

– А может, это были оборотни? Интересно, как отличить их от обычных волков?

«Начинается», – подумал Логейн. Не поднимая головы, он понемногу подбрасывал хворост в огонь.

– Не знаю и знать не хочу.

– Мне припомнилась легенда, которую рассказывал один мой наставник. О том, как в Диких землях Коркари появился туман. Эта история связана с оборотнями.

– Как интересно!..

Как обычно, Мэрик словно и не заметил, что в голосе Логейна прозвучало полнейшее отсутствие интереса.

– Было это еще до того, как король Каленхад объединил племена клейнов. Волков одолел странный недуг, и в их тела вселились могущественные демоны. Волки превращались в чудовищ, которые нападали на окрестные деревни и хутора, а когда их загоняли в Дикие земли – снова принимали волчий облик и прятались.

– Суеверные рассказы, – пробормотал Логейн.

– Нет-нет, так и было на самом деле! Вот почему местные жители и поныне поголовно держат собак. В те времена пес мог издали учуять оборотня и предупредить хозяина об опасности, а то и броситься в бой, чтобы человек успел убежать. Говорю тебе, это было самое настоящее поветрие.

Логейн с минуту молчал, обреченно взирая на Мэрика.

– И какое отношение все это имеет к туману? – осведомился он.

– Легенда гласит, что один владетельный эрл в конце концов собрал войско из охотников и собак и двинулся в Дикие земли. Много лет они убивали всякого волка, который попадался им на пути, не важно, одержимого или нет. И вот последний оборотень поклялся им отомстить. Он пронзил себе сердце тем самым клинком, который убил его подругу, и, едва кровь пролилась на землю, в том месте начал подниматься туман. Туманная пелена расплзлась по всему лесу, и в конце концов армия эрла заблудилась. Они так и не отыскали дорогу домой, и со временем эрлинг пришел в запустение. Мой наставник утверждал, что в старинных руинах до сих пор бродят призраки женщин, которые все ожидают возвращения своих мужей.

– Что за чушь! – устало вздохнул Логейн. – Призраков не существует. Да и туман в Диких землях не настолько густой, чтобы кто-то мог в нем заблудиться. Он только досадная помеха, не более.

– Может, в давние времена было по-другому? – пожал плечами Мэрик. – Так или иначе, говорят, что некоторые оборотни все-таки уцелели. Они скрываются в здешних местах и нападают на всякого одинокого путника.

– Ну мало ли что говорят!

– Мой наставник был весьма ученый человек.

Логейн встал, отряхнулся, повернулся к полулежащему на траве Мэрику – и в этот миг над самым его ухом свистнула стрела.

– Что за... – Мэрик в смятении сел.

– Ложись!

Логейн пригнулся и обнажил меч. Мэрик принялся вертеть головой, пытаясь разглядеть, откуда прилетела стрела. Не желая заводить неуместный спор, Логейн ухватил его за капюшон плаща и повалил ничком. Уже слышен был топот копыт – к прогалине приближались несколько всадников, – и Логейн мысленно обозвал себя дураком. Если погоня уже сумела их настичь, значит он недооценил, насколько этим людям нужен принц Мэрик.

– Надо прорываться! – выкрикнул Мэрик.

Он тоже сжимал в руке кинжал, а на прогалину уже рысью въезжали двое всадников. Это были солдаты в кольчужных доспехах и закрытых шлемах.

Когда первый всадник проскакал мимо Логейна, тот поднырнул под руку – и шипастый шар кистеня зловеще свистнул над самой его головой. Второй всадник мчался почти вплотную к первому, и Логейн, метнувшись вперед, ударил мечом снизу вверх, прежде чем солдат успел замахнуться. Логейн ощутил, как острие меча воткнулось под мышку противника, – и воин вскрикнул от боли. Выдернув меч, Логейн успел подставить его под удар, и цепь с массивным шаром обмоталась вокруг клинка. Напрягшись, он резко дернул – и всадник, изумленно вскрикнув, вылетел из седла.

Он неуклюже грянулся оземь и откатился, крепко сжимая кистень. Логейн едва успел высвободить свой меч. Но напарник поверженного воина уже несся прямо на юношу. Тот лишь увидел, как взметнулся, целя в него, шипастый шар. Удар пришелся в грудь, и ребра отчетливо хрустнули. Логейна отшвырнуло на несколько шагов.

– Эй! – пронзительно закричал Мэрик, с кинжалом в руке бросаясь в драку.

Он воткнул кривое лезвие в ногу всадника. От боли тот пронзительно закричал и невольно дернул на себя поводья, отчего лошадь взвилась на дыбы и тоненько заржала. Упавший солдат стонал, пытаясь отползти в сторону. Мэрик перепрыгнул через него и бегом бросился к валявшемуся на земле спутнику.

Стиснув зубы, преодолевая чудовищную боль в груди, Логейн попытался сесть. Он хотел крикнуть Мэрику, чтобы тот бежал без оглядки, но было поздно. На прогалину выехали еще четверо всадников, и среди них рыцарь в искусно сработанном пластинчатом доспехе. Под ним был крупный вороной конь, на голове – закрытый шлем с зеленым плюмажем. Командир отряда.

Внезапно рыцарь подал знак всадникам, которые ехали за ним, остановиться. Лошади загарцевали. Раненый солдат, в ноге которого торчал кинжал Мэрика, кое-как осадил коня, шипя и ругаясь сквозь зубы.

Логейн зашелся в мучительном кашле, но все же сумел подняться на ноги. Он стоял рядом с Мэриком, и оба они не сводили глаз со всадников. Почему они не нападают? Логейн шагнул вперед, заслонив собой Мэрика, и поднял меч, передернувшись от боли в треснувших ребрах.

– Первый, кто приблизится, лишится руки! – отчеканил он. – Это я вам обещаю.

Двое всадников подали коней назад, вопросительно поглядывая на рыцаря с зеленым плюмажем. Тот не тронулся с места, молча, в упор глядя на Мэрика и Логейна.

– Мэрик?

В голосе, прозвучавшем из-под шлема, было что-то странное.

Мэрик потрясенно ахнул. Логейн, не опуская меча, покосился на него:

– Вы знакомы?

Рыцарь сунул меч в ножны. Потом резким движением сдернул с головы шлем. Это была девушка. Завитки густых каштановых волос липли к бледному, лоснящемуся от пота лицу, но, как ни странно, это ее отнюдь не портило. Она была скуласта, с крепким подбородком, какой мечтал бы вылепить любой скульптор, и держалась уверенно – было видно, что доспехи она надела отнюдь не прихоти ради. Эта девушка была таким же воином, как и солдаты, которыми она командовала, и, хотя ферелденские женщины, случалось, воевали наравне с мужчинами, все же это явление было редкостью.

На Логейна девушка не обратила никакого внимания. Она потрясенно смотрела на Мэрика, а он, судя по всему, тоже был потрясен до глубины души.

– Роуэн?.. – пробормотал он.

Девушка спешила, держа под мышкой шлем. Молча бросив поводья одному из спутников, она широким шагом двинулась прямо к принцу. Логейн уступил ей дорогу, но меч так и не опустил. Она не произнесла ни слова, только смотрела темными глазами на Мэрика.

Юноша явно был в полном замешательстве.

– Э-э-э... здравствуй, – наконец пробормотал он. – Рад тебя видеть...

Девушка все так же молчала, только губы ее угрожающе сжались.

– А ты разве мне совсем не рада?

И тогда девушка ударила его. Латный кулак впечатался в челюсть и сбил Мэрика с ног. Изогнув бровь, Логейн с легким интересом смотрел, как Мэрик валяется на земле и стонет, держась обеими руками за лицо, а затем повернулся к девушке-рыцарю. Она была вне себя от бешенства.

Логейн убрал меч в ножны.

– Да, – сказал он, – теперь я точно вижу, что вы знакомы.

Мэрик был рад увидеть Роуэн. Точнее говоря, безумно рад. По крайней мере до той минуты, пока девушка его не ударила. Принц полагал, что его физиономии в последнее время и так слишком много доставалось. Не без труда поднявшись на ноги, он поспешно принялся объяснять, что к чему, – и сделал это как нельзя кстати, потому что Роуэн уже кипела от ярости. Мэрик с детских лет обладал несчастливым даром выводить ее из себя. Будучи ребенком, он зачастую необдуманно доводил ее до бешенства, а потом в поисках защиты мчался к матери. Та только снисходительно посмеивалась. Став постарше, Мэрик научился различать признаки близкой бури, но сейчас, похоже, слегка подзабыл, как это делать.

Роуэн и ее солдаты разглядели их костер издалека и решили, что Мэрик в плену у Логейна. Вернее сказать, Роуэн увидела, что Мэрик лежит на траве, и сочла, что он без сознания или вообще мертв. Когда же он не только не обратился в бегство при первом удобном случае, но и бросился защищать спутника, Роуэн заключила, что они в сговоре и что Мэрик удрал от матери, хотя вслух этого не сказала. Потребовалось немало убедительных слов, прежде чем Роуэн скрепя сердце поверила, что Мэрик и Логейн направлялись в лагерь мятежников и что, если бы не Логейн, Мэрика давно уже не было бы в живых.

– Вот как? – проговорила Роуэн, наконец-то соизволив поглядеть на Логейна. Рассказ Мэрика, похоже, ее не слишком впечатлил. – В таком случае, сер, я должна извиниться.

Неприкрытое подозрение, с которым были произнесены эти слова, практически сводило их смысл на нет, но Логейна это скорее позабавило, чем задело.

– Похоже, что так, – согласился он, протягивая руку. – Логейн Мак-Тир, к твоим услугам.

– Роуэн Геррин, – отозвалась девушка с сомнением, возможно, потому, что любой другой мужчина в такой ситуации поклонился бы или галантно поцеловал руку, пусть даже она и в грош не ставила подобные церемонии. Она протянула руку, и Логейн крепко пожал ее. Роуэн тотчас отвернулась – возможно, чуточку торопливее, чем пристало. – Сомневаюсь, сер, что мне понадобятся твои услуги.

– Я их и не предлагаю, просто так говорят.

– Это леди Роуэн, – вмешался Мэрик, – дочь эрла Редклифа, который... который, надеюсь, по-прежнему находится при армии?

– О да... – Роуэн еще раз посмотрела на Логейна, затем повернулась к Мэрику, нахмурилась, озабоченно глядя на него. – Мы искали тебя. Отец уже хотел объявить тебя мертвым и двинуть армию дальше. – Взгляд Роуэн смягчился, и она с непривычной нежностью коснулась ладонью щеки Мэрика. – Дыхание Создателя! Когда мы услышали, что эти негодяи сделали с королевой, мы так испугались за тебя! Смерть или тюрьма... – Роуэн вдруг порывисто обняла Мэрика, крепко прижала к закованной в латы груди. – Но ты жив! И свободен!

Мэрик терпеливо сносил эти сокрушительные объятия, только умоляюще косился на Логейна. Тот даже не шелохнулся, – судя по всему, эта сцена его забавляла. Наконец Роуэн разжала руки, отстранилась и помедлила, глядя на Мэрика с таким видом, словно не знала, что говорить дальше.

– Твоя мать...

Мэрик горестно кивнул:

– Ее убили у меня на глазах.

– Узурпатор велел, чтобы ее тело отправили в Денерим. Он устроил праздник, приказал выставить ее... – Роуэн осеклась, и голос ее задрожал. – Не думаю, что тебе хочется это знать.

– Да. Наверное, не хочется.

Мэрик знал, что узурпатор обожает выставлять трупы врагов на всеобщее обозрение, а уж тело Мятежной Королевы, без сомнения, было самой ценной добычей. Принц содрогался, гоня прочь непрошенные картины, которые рисовало воображение, – одна отвратительнее другой.

Логейн подался вперед, кашлянул с преувеличенной учтивостью:

– Не хотелось бы прерывать вашу милость...

– Можно просто – Роуэн, – перебила она.

Логейн вопросительно глянул на Мэрика, но тот лишь беспомощно развел руками.

– Не хотелось бы прерывать тебя, Роуэн, – повторил Логейн, – но, может, нам стоит поскорее покинуть это место? Наш костер могли заметить и другие.

Девушка отступила от Мэрика, и на лице ее вновь появилось собранное, деловитое выражение. Она обеспокоенно посмотрела на горизонт и кивнула:

– Ты прав. – Затем Роуэн повернулась к солдатам, которые из учтивости наблюдали с приличного расстояния. – Оставьте пару коней нам. Поедете по двое. Я хочу, чтобы вы вернулись к отцу и сообщили, что я нашла принца.

Солдаты замялись, – быть может, им не хотелось оставлять Роуэн без охраны.

– Поезжайте! – В голосе Роуэн прибавилось нажима. – Мы поскачем следом.

Когда всадники скрылись, оставив после себя клубы пыли, Роуэн пояснила:

– Отец получил странные донесения. Во Внутренних землях было замечено немало солдат. Ищек узурпатора... – Девушка тяжело вздохнула. – Быть может, мы слишком долго стояли лагерем в этих местах.

– И ты отослала телохранителей?

– В качестве приманки. – В голосе Логейна мелькнула тень одобрения.

Роуэн вновь забралась на коня.

– Если мы и впрямь наткнемся на врагов, несколько солдат нас не спасут. – Она искоса глянула на Мэрика и озорно усмехнулась. – К тому же, насколько я помню, ты у нас превосходный наездник. Если понадобится, мы запросто ускорим от погони.

Мэрик сделал вид, что ничего не слышал, и забрался в седло. Дело оказалось не из легких – конь нервничал и отказывался стоять на месте. Наконец принц кое-как уселся в седле. Конь, почуввав его неуверенность, беспокойно заржал.

– Я вечно падаю, – с натужной усмешкой пояснил Мэрик Логейну. – Это мое любимое занятие.

– Тогда постараемся ни на кого не наткнуться.

У Логейна, судя по всему, верховая езда никаких затруднений не вызывала. Словно желая показать это, он рысью проехал мимо Мэрика и поравнялся с Роуэн. Мэрик, скривившись, проводил его взглядом.

Роуэн, похоже, была удивлена.

– Ты умеешь ездить верхом? Как необычно для...

Девушка замялась, подыскивая наиболее уместное слово.

– Простолюдина? – договорил за нее Логейн. И презрительно фыркнул. – Как занятно слышать такое суждение от той, кто живет под открытым небом и, может быть, клянчит пропитание у трусов!

Роуэн стиснула зубы, и глаза ее гневно блеснули. Мэрик решил, что не станет предостерегать спутника насчет крутого нрава девушки. В конце концов, Логейн уже большой мальчик. Верхом ездит и все такое.

– Я имела в виду, – отрывисто проговорила девушка, – что не у всякого есть возможность обучаться верховой езде.

– Мой отец выращивал лошадей на хуторе. Он меня и обучил.

– А хорошим манерам тебя тоже обучал отец?

– Нет, – холодно ответил Логейн, – манерам меня учила мать. Во всяком случае, пыталась, до того как ее изнасиловали и убили орлесианцы.

Глаза Роуэн широко раскрылись, а Логейн развернул коня и поскакал прочь.

Мэрик не без труда подъехал к Роуэн.

– Да уж, неловко получилось, – заметил он.

Девушка воззрилась на него так, словно у того выросли еще две головы.

– Кстати, просто так, чтобы тему сменить... – Мэрик откашлялся, прочищая горло. – Разве мы не собираемся поехать следом за солдатами, которых ты отослала? Потому что если собираемся, то они довольно быстро удалятся от нас. Очень быстро. Я бы сказал, совсем удалились.

– Нет, – отрезала Роуэн. – Мы поскачем другим путем.

– Тогда, может быть, уже пора двигаться?

Не сказав больше ни слова, Роуэн надела шлем и пришпорила коня. Ее зеленый плюмаж развевался на ветру.

Глядя ей вслед, Мэрик пытался представить, какова была бы нормальная жизнь Роуэн. Ферелденцы – народ грубоватый и практичный, и женщин-воинов они почитают ничуть не меньше, чем мужчин, но знать на это смотрит иначе. Если бы не мятеж, дочь эрла сейчас красовалась бы в нарядных платьях и разучивала самые модные при орлесианском дворе танцы, а не помогала бы отцу командовать армией.

Семья Роуэн многим пожертвовала. Эрл Рендорн оставил свой бесценный Редклиф во власти узурпатора. Эрлесса, его жена, умерла от лихорадки во время одного из переходов, а младших сыновей, Эмона и Тегана, он отослал к дальней родне на север. Если бы они сейчас вернулись в Ферелден, узнали бы они вообще своего отца?

Вся их семья многое отдала, чтобы помочь Мятежной Королеве. А теперь она мертва.

Да, такую жизнь никак не назовешь нормальной.

Они углубились в горы, следуя тропой, которую Роуэн явно знала как свои пять пальцев. Мэрик мог только гадать, сколько раз девушка прежде проезжала этим путем, разыскивая его, и с какой стати она вообще столько сил потратила на поиски. Да, конечно, Мэрик – наследный принц, сын Мятежной Королевы, но уже через два-три дня после ее гибели шансов отыскать его практически не осталось. Мятежникам следовало бы уйти отсюда... без него.

Ехать верхом по гористой местности было нелегко, и Мэрик радовался уже тому, что как-то умудряется держаться в седле. Остановились они только один раз – когда Мэрик сообразил, что у Логейна кровоточат раны на груди. Принц подал Роуэн знак остановиться, а затем ему пришлось едва ли не силой стаскивать Логейна на землю, чтобы сделать перевязку. Того, само собой, эта непредвиденная задержка только взбесила, и Мэрик, глядя на него, поневоле задумался: а сумел бы он, получив от всадника удар кистенем, остаться на ногах и упорно делать вид, что все в порядке? Пожалуй, что и не смог бы.

Наконец они встретили нескольких часовых, которые отдали честь Роуэн и только потом, узнав Мэрика, застыли с разинутым ртом. Как видно, известие, что принц отыскался, еще не разлетелось по всему войску.

Очень скоро Мэрик, Логейн и Роуэн, проехав между палатками, оказались в самом сердце лагеря в небольшой долине между холмами. Мать Мэрика любила Внутренние земли именно за то, что здесь было множество таких потаенных местечек, где без труда могла укрыться армия. Отсюда мятежники могли быстро добраться почти в любое место северных низин и так же быстро отступить в укрытие. В этом краю мать Мэрика кропотливо, практически с нуля создала армию, которая вот уже добрых десять лет изрядно отравляла жизнь орлезианцам.

Логейн с некоторым удивлением разглядывал скопище палаток, мимо которых они проезжали. По правде говоря, этот лагерь во многом напоминал приют изгоев, разве что был намного обширнее. Палатки – потрепанные и грязные, и солдаты в большинстве своем выглядят не лучше. Ряды мятежников годами пополнялись за счет обозленных на узурпатора дворян, людей, которые решились бросить свои земли и имущество. Те, кто не мог вступить в армию, иногда предлагали провизию или кров, если таковой имелся у них самих, – впрочем, это случалось нечасто. Матери Мэрика не раз доводилось опускаться до того, чтобы кланяться милостыню, – в этом Логейн был сокрушительно прав.

Едва только прозвучал первый крик: «Это принц!» – как из палаток хлынули люди, со всех сторон подбегая к Мэрику, Логейну и Роуэн. Вначале их было немного, но очень скоро троих всадников окружила целая толпа. Солдаты теснились вокруг, и их грязные лица сияли от счастья, десятки рук тянулись к Мэрику.

– Принц!

– Принц вернулся! Он жив!

Гул толпы становился все громче, и в нем звучали восторг и ликование. Иные солдаты, постарше, не стесняясь, плакали, другие обнимались и неистово потрясали кулаками. Роуэн сдернула с головы шлем, и Мэрик увидел, что глаза ее тоже увлажнились. Она дотянулась до Мэрика, подняла его руку – и ликующая толпа отозвалась на этот жест одобрительным ревом.

Эти люди любили его мать всем сердцем. Каково было им потерять ту, ради которой большинство из них отказалось от нормальной жизни? Мэрик, тронутый до глубины души, вдруг осознал, что его возвращение стало для них в некотором роде победой, как если бы отчасти вернулась сама королева Мойра. При мысли о матери у него перехватило дыхание.

Роуэн крепко стиснула его руку. Она все понимала.

Логейн держался чуть позади. Вид у него был страдальческий – он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Мэрик обернулся к спутнику, жестом настойчиво призывая его выехать впе-

ред. В конце концов, если бы не он, принц вообще не добрался бы до лагеря. Юноша, однако, лишь помотал головой и не тронулся с места.

Земля вдруг содрогнулась от грохочущей поступи. Из глубины лагеря к толпе неспешно шагала каменная фигура ростом добрых десять футов. Ликующие возгласы притихли – кое-кто из солдат почтительно расступился перед этим внушительным явлением, однако для большинства этот странный исполин, судя по всему, был вполне привычным зрелищем.

Логейн потрясенно уставился на ожившего истукана:

– Что это?!

Мэрик хихикнул, наконец-то отыгравшись за все:

– Да так, ничего особенного. Просто голем.

Он вдоволь поохотал бы над недоверчивым взглядом Логейна, но тут через толпу солдат решительно протолкался хозяин голема. Он был высокого роста, но настолько худ, что выглядел отнюдь не внушительно – тщедушный и худосочный. Если окружающие и спешили уступить ему дорогу, так это потому, что на нем были красочные одеяния высокопоставленного чародея Круга магов.

– Принц Мэрик! – крикнул он издали, хмурясь со знакомым нетерпеливым видом.

Этот человек много лет служил советником и помощником эрлу Рендорну и был в хороших отношениях с королевой. С самим же Мэриком он всегда обходился так, словно тот был строптивым учеником, которого надлежит держать в ежовых рукавицах. Маг пребывал в вечном недовольстве, всегда хмурился и на всех смотрел свысока. При этом он оставался неизменно верен и надежен, а потому Мэрик ничем не выдал своей неприязни и приветственно кивнул.

– Вильгельм, я нашла его! – счастливо рассмеялась Роуэн.

– Вижу, миледи, – проворчал маг. Ликующие крики продолжались, но маг, словно не слыша их, воззрился на Мэрика с нескрываемым подозрением. – И на удивление вовремя.

– Почему?

– Вначале убедимся, что ты и вправду тот, за кого себя выдаешь.

Руки Вильгельма задвигались, совершая сложные пассы, напряженный взгляд, казалось, обшаривал мысли Мэрика. Огненные искорки завертелись вокруг мага, разгораясь все ярче. Ликующие крики разом оборвались, и большинство тех, кто стоял поблизости, шархнулось прочь, да так поспешно, что кое-кто из солдат упал.

– Вильгельм! – Роуэн, нагнувшись с седла, ухватила мага за запястье. – В этом нет нужды!

– Есть! – огрызнулся он, резко отдернув руку.

Он завершил заклинание, чуть слышно пробормотав нужные слова, и Мэрик ощутил прикосновение магии. Незримые булавки то тут, то там покалывали кожу, щекотали изнутри голову. Логейн обеспокоенно наблюдал за происходящим, но не вмешивался.

Наконец Вильгельм отступил, явно удовлетворенный тем, что обнаружил:

– Прошу прощения, ваше высочество. Я должен был убедиться.

– Уж я бы всегда узнала Мэрика с первого взгляда! – заявила Роуэн.

– Не уверен. – Вильгельм повернулся к притихшим солдатам, которые не сводили с него глаз. – Солдаты! – выкрикнул он. – Пора готовиться к битве! Ваш принц вернулся, и теперь будьте готовы защищать его!

Словно для того, чтобы прибавить веса словам мага, каменный голем встал у него за спиной и обвел толпу жутковатым взглядом злобно горящих глаз.

Солдаты тотчас ожили, заматались, несколько офицеров, затесавшихся в толпе, принялись выкрикивать приказы. Мэрик с растущей тревогой воззрился на мага.

– Зачем все это? Что происходит?

– Пойдем. Эрл сам тебе все объяснит.

С этими словами маг развернулся и проворно зашагал к центру лагеря. Голем, неуклюже ступая, последовал за ним.

Мэрик переглянулся с Роуэн, и оба спешили. Тотчас подбежал солдат и принял у них коней. Логейн, однако, остался в седле и неловко поглядывал сверху вниз на Мэрика.

– Мне, пожалуй, самое время уйти, – пробормотал он.

– И куда ты пойдешь?

Мэрик насупленно уставился на Логейна, но, прежде чем тот ответил, Роуэн взяла его за руку и повлекла прочь. Принц подчинился, но оглянулся на молодого изгоя. Тот по-прежнему сидел в седле, и вид у него был до крайности неловкий, а солдат, стоявший рядом, терпеливо ждал, когда сможет принять коня. Мэрику стало почти жаль недавнего спутника. Наконец Логейн тяжело вздохнул, спешился и, вручив поводья солдату, поспешил за принцем и Роуэн.

Чем ближе подходили они к центру долины, тем суматошнее становилось вокруг. Солдаты строились в боевом порядке, спешно сворачивались палатки; куда ни глянь – всюду беготня и крики... Это был управляемый хаос – зрелище, в общем, для Мэрика привычное. Ему только не нравилось, что у всей этой суматохи был отчетливый оттенок паники. Принц и прежде не раз видел, как армия его матери срывается с места, – и то, что творилось сейчас в лагере, было очень похоже на паническое бегство.

В самом средоточии этой суеты он разглядел эрла Рендорна, отца Роуэн. Не заметить его было мудрено – сразу бросалась в глаза сильверитовая кольчуга, которую мать Мэрика много лет назад подарила своему самому доверенному другу и полководцу. Седовласый, осанистый, эрл Рендорн был воплощением аристократического духа, и Мэрик вдруг обнаружил, что очень рад его видеть. Приказы окружавшим его солдатам он отдавал быстро, деловито и четко. Ему подчинялись беспрекословно, и ни одного слова не приходилось повторять дважды.

Вильгельм замахал рукой эрлу, хотя в этом вряд ли была необходимость: каменный истукан, высившийся за спиной мага, привлекал всеобщее внимание. Эрл обернулся, увидел Мэрика и двинулся к нему через шеренги солдат, просияв широкой и радостной улыбкой.

– Мэрик! – рявкнул он, хлопая принца по плечу. – Да ведь это же ты!

– Именно это мне твердят все, кому не лень, – ухмыльнулся Мэрик.

– Хвала Создателю! – Глаза эрла на миг затуманились печалью. – Если бы твоя мать могла узнать, что ты уцелел, она гордилась бы тобой. Молодчина!

– Вот видишь, отец, – вмешалась Роуэн, – я же говорила, что найду его!

Эрл одарил дочь взглядом, в котором восхищение смешивалось с неистребимой досадой.

– Говорила, конечно же говорила. Зря я сомневался в тебе, малыш.

С этими словами он повернулся к офицерам, которые потрясенно таращились на Мэрика. Повелительный окрик эрла привел их в чувство, и они поспешили вернуться к делам.

– Пойдем в шатер, – сказал эрл Рендорн. – Наверняка тебе есть что рассказать, но это подождет. Правду говоря, ты вернулся в довольно опасную минуту и как нельзя вовремя.

Он отступил к большому красному шатру и отдернул полог. Вильгельм тотчас же с надменным видом протиснулся в шатер, как будто приглашали в первую очередь его. По чести говоря, Мэрик никогда не понимал, как может эрл Рендорн терпеть такое поведение человека, который был по сути наемным работником, присланным из Круга магов. Эрла тем не менее выходка Вильгельма больше развеселила, чем оскорбила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.